

и. в. мисл.

Мякутинъ, А. И.

ПѢСНИ

ОРЕНБУРГСКИХЪ

КАЗАКОВЪ.

Ц

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

СОБРАЛЪ

СОТНИКЪ А. И. МЯКУТИНЪ.

ИЗДАНИЕ

ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Б. Бреслина.

1905.

У

Печатано по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго
войска.

PG 3235

S7M5

v. 2

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ,

А В Г У С Т Ъ Й Ш Е М У А Т А М А Н У

В С Ѣ Х Ѣ К А З А Ч Ъ Н Х Ѣ В О Й С К Ѣ ,

с ѣ б л а г о р о в ѣ н і е м ѣ п о с в я щ а е т ь

О Р Е Н Б У Р Г С К О Е К А З А Ч Ъ Е В О Й С К О .

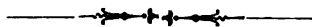
Вторая часть трудовъ сотника А. И. Мякутина, печатаемыхъ по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска генераль-лейтенанта Я. Ф. Барабашъ и подъ редакціей Начальника Войскового Штаба генераль-маіора барона Э. Э. Таубе, имѣеть, какъ и первая, въ виду сохранить въ памяти потомства пѣсни оренбургскихъ казаковъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онѣ поются нынѣ.

Въ этой части помѣщены пѣсни былевья, къ которымъ отнесены пѣсни, воспѣвающія различныя дѣйствительныя событія прошлой и настоящей жизни казаковъ, а нерѣдко и всего русскаго народа, точное установленіе связи коихъ съ опредѣленнымъ историческимъ событіемъ однако затруднительно.

Нѣкоторыя былевья пѣсни совершенно естественно близко подходятъ къ бытовымъ, которыя составляютъ содержаніе слѣдующей части.

Объясненіе тому, почему настоящей сборникъ носить названіе «ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ», и почему въ него вошли нѣкоторыя пѣсни не исключительно оренбургскія, приведено въ предисловіи къ первой части.

Во второй части въ обозначеніи вариантовъ сдѣлано слѣдующее измѣненіе: вмѣсто значковъ при буквахъ поставлены цифры.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОТДѢЛЪ I. БЫЛИНЫ.

	Стр.
1. Отчего начался бѣлый свѣтъ?	
Какъ со вечера, братцы, притуманилось	3
2. Конь и соколъ.	
Д ¹ . Ужь ты, старинушка, старой казакъ	4
Д ² . Какъ далече, подалече, во чистомъ полѣ	4
Д ³ . Далеченько, далеченько, во чистомъ полѣ, того было подальше .	6
3. Змѣй-Тугаринъ.	
Д ¹ . Какъ у нашего было у князюшки было у Владимира	7
Д ² . Какъ у князюшки было у Владимира	8
4. Богатырь Илья Муромецъ.	
Д ¹ . Ты, старинушка, старой казакъ	9
Д ² . Ты, старинушка ли, старинушка	9
Д ³ . Старинушка, старинушка, старой казакъ!	10
Д ⁴ . Старинушка, старой казакъ!	11
5. Богатырь Добрыня Никитичъ.	
Д. Во славномъ во городѣ во Кіевѣ	12
В. Какъ не сырой дубъ матерый къ землѣ клонится	14
В. Какъ со вечера Добрынѣ Никитичу	15
Г. Какъ не стукъ стучить во теремъ, не громъ гремитъ	15
6. Молодой донской казакъ и турчанинъ.	
Д ¹ . Какъ леталъ-то, леталъ сизой орлюшка, по горамъ леталъ	17
Д ² . Не ясенъ соколъ по крутымъ горамъ летаетъ	18
Д ³ . Что не сизой орелъ по поднебесью леталъ	18

ОТДѢЛЪ II. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

1. Разбойничій атаманъ.	
Какъ издалече, все подалече	22
2. Казаки на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ.	
Д ¹ . Какъ съ верховьевъ-то Волги-матушки	23
Д ² . Ты взойди, солнце, надъ горою надъ высокою	23
В. Не пора ли намъ, ребята, со синя моря	25
В ¹ . Внизъ по матушкѣ по Волгѣ	25
В ² . Внизъ по матушкѣ по Волгѣ	26
Г. Что не черные вороны со горъ солетались	27
3. Казаки на Яикѣ (Уралѣ).	
Д. Выметывалъ нашъ Яикушка на синемъ морѣ Камынь-островъ	28
В ¹ . За Ураломъ, за рѣкой, казаки гуляютъ	28
В ² . За Ураломъ, братцы, за рѣкой, казаки гуляютъ	29
4. Дума удалого молодца передъ царскимъ допросомъ.	
Далеченько, далеченько, того было подальше	30
5. Сестра и братья разбойники.	
Д ¹ . Какъ подъ городомъ подъ Кіевомъ	31
Д ² . Жила была молодая вдова	32
6. Жена и мужъ разбойникъ.	
Со вечера разбойнички думу думали	33
7. Разбойники хозяйничаютъ въ чужомъ домѣ.	
Д ¹ Собирайтесь, ребята, вы усикъ наголо!	35
Д ² . Собирались ребята все усъ наголо. (Живо!)	36

	Стр.
8. Разбойники хоронят товарища, раненаго въ бою. Среди лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ	37
9. Узникъ въ темницѣ. Д. Какъ на крутенькомъ то было на славномъ берсжочкѣ	38
Б. Ты воспой-ка, воспой соловешка	39
В. Аленькій цвѣточекъ на вѣточкѣ сповяль	40
Г. Ужъ ты, садъ ли мой, садъ	41
10. Воръ-бродяга прѣздомъ въ родномъ селѣ. По пути села родного колокольчикъ прозвенѣлъ	42

ОТДѢЛЪ Ш. ПѢСНИ ВЫЛЕВЫЯ БЕЗЫМЯННЫЯ.

1. Смерть царя. Д ¹ . Какъ у насъ-то на Святой Руси, во каменной Москвѣ	44
Д ² . Какъ на матушкѣ на Святой Руси	44
2. Первоначальное возникновеніе казачества. Сходцы: гулебщичи, бѣглые и прочіе. Д ¹ . Не былиночка въ полѣ зашталася	45
Д ² . Далеченько, да и того было подальше	46
Д ³ . Изъ-за лѣса было, лѣса темнаго	47
Д ⁴ . Какъ во полѣ-то было, полечкѣ	48
В ¹ . Не шуми-ка ты, дубравушка зеленая	46
В ² . Не шуми-ка, мать дубровушка зеленая	48
В. Сирота ли ты, сироточка	49
Г. Ты, взойди-ка, взойди, солнце красное!	49
Д. Шель дѣтинушка путемъ-дороженькой	50
Е. Скажи ты, лебедушка, скажи гдѣ была?	50
3. Атаманушка. Д ¹ . Ой да какъ со вечера нашъ атаманушка поздно спать ложился	51
Д ² . Какъ со вечера нашъ атаманушка поздно спать ложился	51
Д ³ . Какъ со вечера нашъ атаманушка поздно спать ложился	52
4. Молодцу снится недобрый сонъ. Д ¹ . Ужъ ты, солнышко мое красное!	53
Д ² . Ой да вы, туманы ли мои, туманы	54
Д ³ . Вы, туманы ли, туманчики	55
Д ⁴ . Туманушки мои, туманушки	56
5. Конь казака чуетъ бѣду. Д ¹ . Какъ у ключика было у текучаго	57
Д ² . Какъ у ключика было у текучаго	58
6. Смерть добраго молодца во чистомъ полѣ. Д. Ты звѣзда ли, моя звѣздочка	58
В ¹ . Ты долина моя, доль-долинушка	59
В ² . Ты, доль, наша, доль-долинушка	60
В. Пыль съ полей запылалася	61
Г ¹ . Ужъ ты, поле мое, поле чистое,	62
Г ² . Ужъ ты, поле мое, полечко!	62
Д ¹ . За Ураломъ, за рѣкой, тамъ казакъ гулялъ	63
Д ² . За Ураломъ, за рѣкой, тамъ казакъ гулялъ	65
Д ³ . За Кубанью, за рѣкой, тамъ ходилъ, гулялъ молодой казакъ	67
Д ⁴ . За Кубанью, за рѣкой, тамъ казакъ гулялъ	67
Е ¹ . Какъ на морекѣ на Хвалынскомъ	69
Е ² . Какъ на морѣ, морѣ синемъ	70
Е ³ . Какъ на морекѣ, на синемъ морѣ	70
Е ⁴ . Сине моречко колыхается	71
Е ⁵ . Аральское моречко, море всколыбалося	71
Ж. Что не снѣжки ли въ полѣ завиднѣлися	72
З. На зарѣ было на зоренькѣ	73

	Стр.
И ¹ . Черный воронъ, храбрый воинъ	74
И ² . Что жъ ты, воронъ, что жъ ты черный	75
И ³ . Черный воронъ! Что ты вьется надо мной	75
И ⁴ . Ты не вейся, черный воронъ, надъ мою голову	76
Г. Знаю, воронъ, твой обычай	77
К. Полъ раkitовымъ кустомъ казакъ голову склонилъ	77
Л. Изъ-за горъ то было да горъ высокихъ	78
М. Послѣ битвы за Дунаемъ	79
Н. Вѣтеръ по полю шумитъ	80
О. Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину	81
7. Казакъ раненъ въ бою.	
Д ¹ . Во дикой-то степи, тамъ пролежала большая дороженька	81
Д ² . Во дикой-то степи пролегывала большая дороженька	82
В ¹ . Не былиночка въ чистомъ полѣ, въ полѣ зашаталася	83
В ² . Не былиночка во чистомъ полѣ зашаталася	84
В ³ . «Ты, Василий, ты, Василий, Васильюшка, сынъ Федоровичъ!»	85
8. Азиатскій плѣнь.	
Д ¹ . Изъ Крыму было, изъ Нагаю	86
Д ² . Какъ изъ Крыма было, изъ орденушки	86
Д ³ . Какъ изъ Крыму, изъ Нагаю, изъ той ли орды изъ поганой	87
Д ⁴ . Какъ бѣжалъ-то, бѣжалъ молодой невольникъ	88
Д ⁵ . Вы туманушки ли, туманушки мои!	89
В ¹ . Отецъ съ сыномъ на сѣнокосъ пошли	90
В ² . Что во степи-то степи во Саратовской	93
В ³ . Какъ за батюшкой, за Яикушкомъ	96
В. На зарѣ-то было, на зоренькѣ	97
9. Поселеніе на новыхъ мѣстахъ и прилинейная служба.	
Д ¹ . Леталь-то, леталь сизый орликъ	99
Д ² . Не старостью сѣдой орелъ состарился	99
Д ³ . Леталь-то, леталь сизой орлюшка, онъ полетивалъ	100
Д ⁴ . Онъ леталь-то, леталь, сизой орлюшка, батюшка, состарившись	101
Д ⁵ . Загоралась, занималась заря алая	102
В ¹ . Вы, станы ли мои, станочки	103
В ² . Вы, станы ли, мои станочки	103
В. Какъ мы встрѣтили врага	104
10. Смутное время—безвременница.	
Д. На дубу было, на дубочкѣ	105
В ¹ . Черна ягодка, смородинка	105
В ² . Черна ягодка—смородинка	106
В ³ . Черна ягодка—смородинка	107
В ⁴ . На зарѣ, на зоренькѣ, зарѣ утренней	108
В ⁵ . На зарѣ-то было на утренней	109
11. Выступленіе въ походъ.	
Д. Не сизы-то орлы ко ясному соколу солеталися	110
В ¹ . Изъ-за лѣсика, лѣсу было темнаго	110
В ² . Изъ-за лѣсу-то было, лѣсику	111
В ³ . На зарѣ было, все на зоренькѣ	111
В ⁴ . На зорѣ-то было у насъ, на зоренькѣ	112
Г. По горамъ, по доламъ леталь младъ сизой орелъ	112
Д. Ты развѣся-ка, сѣренькій дубочекъ,	113
Е. Ты прошай, не жди меня	114
Ж. Выступимъ, ребята, въ поде	114
З. Война... проснулись станицы	115
12. Смерть въ походъ.	
Д ¹ . Какъ пошли наши казаченьки во походъ съ полуночи	116
Д ² . Шли казаченьки походомъ изъ горъ во туманы	117
Д ³ . Вотъ пошли наши казаченьки изъ горъ во туманы	118
Д ⁴ . Вотъ пошли наши казаки день и ночь походомъ	119
13. Казакъ на царской службѣ.	
Д ¹ . Соловушекъ прилеталъ	120
Д ² . Уговаривалъ паренъ дѣвченку въ службу царскую съ собой	121
В. Дунай-рѣчка невеличка	122

	Стр.
В. Какъ на бой-то бой	122
Г. Ты расти-ка, рябина кудрявая	123
Д ¹ . Шинкуеть шинкарка пивомъ да виномъ	123
Д ² . Шинкарка, шинкарка молоденькая	124
Д ³ . Разказали намъ про Польшу, что богатая	125
Е. Вольна пташечка моя по полю летала	126
Ж. Вотъ бѣжить, бѣжить вода	127
14. Письмо казака со службы. Вотъ бѣлая заря занималась	128
15. Казаки утѣшаютъ начальнииа. Мы снарядимся, братцы— казаченьки, хорошохоныко	130
16. Война. Скучно жить сиротѣ на чужой сторонѣ	131
17. Смерть въ сраженіи. Сторона, моя сторонка	131
18. Ожиданіе съ войны. А ¹ . Атаманъ ѣдетъ на войну	132
Д ³ . Собирался гетманъ на бой	133
В. Казачка	134
В. Съ надеждой вѣрною, чужбиной	135
Г ¹ . Погасло солнце за морями	136
19. Возвращеніе съ войны. А. О плѣнномъ майорѣ	139
В ¹ . Что не солнышко изъ-за горъ выкаталося	140
В ² . Что не солнышко изъ-за горъ выкаталося	140
В ³ . Какъ подъ деревцомъ, подъ ветлинкою	141
В ⁴ . По питерскей по дорожкѣ не пыль въ полѣ пылить	143
В ¹ . Настала священная брань на враговъ	144
В ² . Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой	145
Г. Вокругъ могилы зеленѣя	146
Д. Звонокъ звенить, и тройка мчится	147
20. Возвращеніе со службы. А ¹ . Конь мой вѣрный, конь ретивый!	148
А ² . Конь мой вѣрный, конь ретивый!	149
А ³ . Прослужилъ казакъ три года	150
В. Конченъ, конченъ дальній путь	151
Г ¹ . О чемъ задумался служивый?	152
Г ² . О чемъ задумался служивый?	153
Д. Изъ-за лѣсу, изъ за горъ	154
Е. Ужъ вы, гости, мои гости	155
—	
Примѣчанія	157
Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, и станицъ, къ которымъ они принадлежатъ	160
Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ	162

ОТДѢЛЪ I.

Б Ы Л И Н Ы.

Отчего начался
бѣлый свѣтъ?

Какъ со вечера, братцы, притуманилось,
Со полу-то ночи сильный дождь пошелъ,
Ко бѣлой-то зарѣ приморозило.
Мы пойдемъ-ка, братцы, проходимся,
Мы во славный Кіевъ прогуляемся.
Мы взойдемъ-ка, братцы, на круту гору,
Ужъ мы встанемъ-ка посреди горы,
Ужъ мы глянемъ на всѣ стороны.
Какъ съ одной-то стороны два коня бѣгутъ
Одношерстные, златогривые;
Навстрѣчу-то имъ идетъ родная матушка.
Сошлись-то они въ полугорѣ.
Какъ и мать-то дѣтей стала спрашивать:
«Ой вы, дѣти мои, дѣти малыя!
Вы гдѣ были и что видѣли?»
Ужъ мы русскую степь изъ конца въ конецъ
прошли,
А азіатскую—поперекъ ея.
Ужъ мы видѣли тамъ и слышали,
Отчего у насъ бѣлый свѣтъ пошелъ:
Бѣлый свѣтъ начался отъ сырой мати—земли,
отъ синяго неба.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Конь и
соколя.

А₁.

Ужъ ты, старинушка, старой казакъ!
У старинушки головушка сѣдымъ-сѣда,
У головушки бородушка, какъ лунь, бѣла.
Была на молодцѣ шубеночка худымъ-худа,
призаплачена;
Лѣва-то полычка во пятьсотъ рублей,
А права-то полычка во тысячу рублей,
А всей-то шубеночкѣ цѣны нѣтъ.
Быль подъ молодцомъ темно-сивый конь,
Шерсть-то мышинная, грива-то козлиная.
Пробѣгалъ конечекъ по широкой большой
улицѣ;
Конь бѣжить—земля дрожить,
Пѣна бьетъ, кровь идетъ, потъ ключемъ бѣжитъ.
По праву-то сторону стоитъ дубъ со шатромъ;
У сырого дуба корни-то булатные, вѣточки
жемчужныя,
Сучечки хрустальныя, листочки бумажныя.
Подъ сырымъ-то дубомъ—стойло лошадино,
На сыромъ-то на дубу—гнѣздо соколино;
Какъ во томъ гнѣздѣ сидитъ ясный соколя.
«Ужъ я ли, соколя, перелетный соколя,
Высокохонько сижу, далекохонько гляжу».
Подъ сырымъ-то подъ дубомъ стоялъ конь,
прислушивался;
Съ нетерпѣнья конь съ соколомъ поспорилъ....

Ст. Сакмарская, 1902 г., урядникъ Петръ Воронжевъ; ст. Нижнеозерная, 1901 г., казачка Дарья Сошникова.

А₂.

Какъ далече, подалече, во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ да росъ сыръ матерый дубъ.

У сыра дуба кореньица булатныя,
А коринушка вся была жемчужная;
Сучки-вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
Листочки на сыромъ дубу бумажныя.
На сыромъ дубу, на верхушкѣ сидѣль младъ
ясень соколъ.

Поль сырымъ дубомъ было стойлице кониное,
А во стойлицѣ—сивый рѣзвый конь.
Какъ ясенъ соколъ надъ добрымъ конемъ на-
смѣхаться сталъ:

«Ужъ ты, кляча, кляча, рѣзвый конь!
На тебѣ ли, конь, шерсточка не кониная,
На тебѣ ли, конь, шерсточка мышиная».
За досадушку то добру коню показалось,
И ясенъ соколъ съ добрымъ конемъ стали
спорити;

Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
А о буйныхъ своихъ головушкахъ:
«Какъ тебѣ-то летать, добрый конь, по сырой
землѣ,

А мнѣ, соколу,—по поднебесью».

Конь бѣжить—вся земля дрожить,
А соколъ летитъ, какъ колоколъ звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстечка до урочнаго, до
колодца до глубокаго.

Ужъ онъ часъ, другой стоитъ—нѣту сокола;
На третьемъ часу появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколъ ко добру коню, пропустивши
срокъ;

Тутъ ясенъ соколъ добру коню извиняться
сталъ:

Ты прости меня, разлюбезный конь, виноватаго:
Я летѣлъ соколъ по поднебесью шибче вихоря
И увидалъ я тамъ стадо лебедей;
Выбралъ я себѣ что не лучшую лебедушку,
Съ лебедушкой я потѣшился,

Какъ за этимъ-то я, ясенъ соколъ, позамед-
лился».

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Крыловъ.

А₃. Далеченько, далеченько, во чистомъ полѣ,
того было подальше,
При долинушкѣ стоялъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба кореньца были булатныя,
У сыра-то дуба кожурочка вся жемчужная,
На сыромъ дубу сучки-вѣточки были хрусталь-
ныя, а листочки бумажные;
Подъ сыромъ-то дубомъ было стойльице ко-
ниное;
На сыромъ-то дубу была посидочка,
И эта посидочка—соколиное гнѣздышко.
Ясенъ-то соколъ надъ добрымъ конемъ посмѣ-
хается:
«На тебѣ-то, конь, шерсточка не кониная,
Вся она звѣриная, звѣря лютаго, вся она мы-
шинная».
За досадушку коню показалось.
Они спорили и объ закладъ билися,
Не объ ста рубляхъ, не о тысячѣ, а о своихъ
буйныхъ головушкахъ:
За тѣ горы за высокія, ко колодезю глубокому,
Ко ключику холодному, кто успѣеть—въ трос
суточекъ;
Коню бѣжать по сырой землѣ,
Соколу-то летѣть по поднебесью.—
Конь-то прибѣгъ въ свое времячко
Въ то настоящее мѣстечко;

У ясного сокола крылышки заносисты, гла-
зоньки заглядчивы,—
Не успѣлъ ясенъ соколь въ свое времячко
И упалъ коню въ рѣзвы ноги
И сказалъ: «Прости меня, сивый добрый конь:
Мои глазоньки заглядчивы, мои крылышки
заносчивы,—
Не успѣлъ я въ свое времячко».

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ станицѣ Нижне-
озерной отъ казака Евгенія Донскова.

Змѣй— А. 1.
Тугаринъ.

Какъ у нащего было у князюшки, было
у Владиміра,
Собиралася пирь-бесѣдушка все почетная,
Все честная, хвальная компанія, она много ра-
дошная.
Во бесѣдушкѣ сидѣли одни люди добрые,
Люди добрые сидѣли—все князья, бояре.
Они пьютъ, ѣдятъ, гуляютъ, славно прохлаж-
даются,
Промежду они себя славно выхваляются:
Какъ богатый-то хвалится онъ своимъ богат-
ствомъ,
Какъ бѣдный-то хвалится онъ своей бѣдностью,
Какъ и сильный-то хвалится, а онъ своей си-
лушкой,
Ужъ онъ силушкой хвалится, а онъ богатырскою,
Какъ убогій-то хвалится, а онъ Божьею ми-
лостью.
Не княгинюшка по сѣнничкамъ она все поха-
живала,

Что крутыми бедерочками шельма поворачивала,
Широкими рукавами шельма поразмахивала,
Золотыми перстенечками шельма все просіявила,
Дорогими-то ключами шельма все пробрякнула,
А сама-то частехонько въ окошечко сама все
поглядывала:

Она ждала, поджидала къ себѣ друга милаго,
Друга милаго ждала къ себѣ—змія лютаго,
Змія лютаго ждала только семиглаваго.

Не туманчикъ то съ моречка, братцы, поднимается,
Что по чистому полечку туманъ растилается—
Подымался разсобака злой Тугаринъ-змѣй;
На конѣ-то сидитъ собака, ровно сѣнная копна,
Голова-то у разсобаки съ медовой большой
котель,

А глаза-то у собаки, ровно чаши золоты.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ.

А. **К**акъ у князюшки было у Владиміра,
Собиралась бесѣдушка очень малая.
Во бесѣдушкѣ да сидѣли у насъ люди добрые,
Люди добрые сидѣли—все князья да бояры.
Они пьютъ, да ѣдятъ, все прохлаждаются,
Между-то собой похваляются:
Какъ богатый-то хвалится онъ богатствомъ,
Какъ сильный-то хвалится своей силушкой,
А бѣдный-то хвалится онъ своею Божьею ми-
лостью.
Дуняшенька она по сѣничкамъ, Дуня похаживала,

Широкими рукавами Дуня приразмахивала,—
Она ждала да дождала къ себѣ друга милаго.

Записана отставнымъ генераль-майоромъ А. И. Суворымъ.

Богатырь
Илья Му-
ромецъ.

А₁.

Ты, старинушка, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
У старинушки бородушка сѣдымъ-то сѣда,
У старинушки бородушка все бѣлымъ-то бѣла;
На старинушкѣ шубеночка все худымъ-то худа,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
Другая-то пола во тысячу,
А всей-то шубеночкѣ и цѣны-то нѣтъ.
Пошелъ Илья на конюшеньку,
Сѣдлалъ-то Илья добра коня,
Онъ накидывалъ сѣделечко черкесское,
Онъ затягивалъ, Илья, двѣнадцать подпругъ
шелковыхъ,
Не для красы Илья затягивалъ—для крѣпости.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Михаилъ Михайловичъ Головинъ 77 лѣтъ; записана подъясауломъ Н. С. Головинымъ.

А₂.

Ты, старинушка ли, старинушка,
Ты, старой казакъ, Илья Муромецъ!
У старинушки головушка, ровно лунь бѣла,
На старинушкѣ шубеночка худымъ-худа,

Худымъ-худа, вся изорвана;
Какъ лѣвая его полушка—во пятьсотъ рублей,
А правая полушка—во всю тысячу,
Какъ всей-то шубеночкѣ и смѣты нѣтъ.
Какъ задумаль старинушка во чисто поле ѣхать,
Во чисто поле ѣхать показывать,
На своемъ-то онъ на добромъ конѣ
Свою силушку богатырскую онъ испробовать.—
Какъ лѣвой рученькой махнетъ—сдѣласть пе-
реулочекъ,
Какъ правой рученькой махнетъ—цѣлую улицу,
Какъ его-то сивый добрый конь сильной гру-
душкой,
Сильной грудушкой топчетъ рать поганую.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Филиппъ Михайловичъ Барбусовъ 76 лѣтъ и казачка Авдотья Селиверстовна Барбусова 70 лѣтъ.

Аз. Старинушка, старинушка, старой казакъ!
У старинушки бородушка сѣдымъ-сѣда,
Отъ бородушки головушка, какъ лунь, бѣла;
На старинушкѣ шубеночка худымъ-худа:
Лѣвая пола—во пятьсотъ рублей,
А правая пола—во всю тысячу,
А всей шубеночкѣ и цѣны нѣтъ.
Вздумалось старинушкѣ погулять ѣхать.
Напали на старинушку воры-разбойники,
Хотѣли изъ-подъ него отнять добра коня.
Беретъ старинушка свой тугой лукъ,
Накладываетъ старинушка кленову стрѣлу,
Пускаетъ онъ въ бѣлую березоньку;
Расщепаль березоньку на мелкія частички,

Какъ на мелкія частички, на ножевые черенья.
Того страху разбойники испугалися,
Отъ страху старинушкѣ поклонялися.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 г. въ ст.
Верхнеозерной отъ Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ.

А₄. Старинушка, старой казакъ!
У старинушки головушка сѣдымъ-сѣда,
А бородушка, ровно лунь, бѣла.
Собирается старинушка въ путь-дороженьку;
Сѣдлаетъ своего добра коня:
Накладываетъ сѣделечко черкасское,
Потнички—бѣль-поярчаты,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ съ под-
пругою.
Садится старинушка на добра коня,
Выѣзжаетъ на высокъ курганъ,
На тѣ холмы на окатистые.
На тѣмъ бугру слѣзалъ со добра коня,
Разбилъ свой полотнянъ шатерь.
Наѣхали на него злы разбойники.
Пробуждалъ его его добрый конь правой ногой.
Поднялся онъ, старой казакъ,
Бралъ свой тугой лукъ,
Накладывалъ кленову стрѣлу,
Ударилъ въ разбойниковъ
И попалъ въ сосновую древку,
Расщепалъ ее на двѣнадцать штукъ,
И оттого разбойники назадъ вернулись.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ ст.
Татишевской отъ Степана Прокофьевича Смирнова 83 лѣтъ.

Богатырь
Добрыня
Никитичъ.

А. Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
Жилъ-былъ старой старичекъ,
По имени старинушка Микитушка;
Живши-бывши состарился и преставился.
Оставалось у Микитушки все житье-бытє и
все имѣныце
И весь широкій его дворъ со подворьицемъ,
Оставалась у Микитушки молода его жена съ
малымъ вьюношемъ,
Со тѣмъ ли со вьюношемъ со Добрынюшкою,
Со Добрынюшкою трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ.
Три года и три мѣсяца Добрыня золоты ключи
носилъ и приворотничалъ;
Отдавала его мамушка грамотѣ учить
Ко хитрому мудрому мастеру князю,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру:
Училъ его князь три года и три мѣсяца;
Какъ десятый годочекъ переступилъ,
Сталъ Добрыня на улицу ходить, хороводы
заводить.
Въ хороводушкахъ Добрынюшка сталъ онъ
шуточки шутить;
Его шуточки были не сносливы и не примчивы:
Кого за ногу возьметъ—ногу выдернетъ,
Кого за руку, возьметъ—руку прочь онъ отор-
ветъ,
Кого въ шеснку толкнетъ—голова съ плечъ
долой.
И стали на Добрынюшку много жаловаться
Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
Да выслалъ его князь вонъ изъ города долой;
Да пошелъ, пошелъ Добрыня вдоль по улицы
въ концѣ,
Да навстрѣчу Добрынѣ идетъ старый старичекъ.
«Да Богъ помочь тебѣ, Добрыня! куда идешь?
Куда Богъ тебя несетъ?»

—«Ты скажи, скажи, старина, гдѣ Маришка
тутъ живеть?»

—«Ахъ не ходи-ка ты, Добрыня, ко маринкину
двору:

Погубить тебя Маринка—еретница, клеветница
и б....— безбожница,—

По-сорочию летаетъ, по-собачію кричитъ;
Уморила она б....ца ровно девять богатырей,
А тебя молодца уморитъ десятого».

—«Умору же я ее б....цу десятую».

Маринкинъ домъ во полугорѣ,

На семи столбахъ на желѣзныхъ;

У ней дворъ отыненъ кругомъ,

На каждой тычиночкѣ по маковкѣ—

По богатырской головушкѣ;

На одной тычиночкѣ нѣтъ маковочки,—

Быть добрыишкиной головушкѣ.

Да находилъ же Добрыня на маринкинъ дворъ;

На маринкинахъ воротныхъ столбахъ да два
голубя сидятъ,

На красномъ ся крылечкѣ два сторожа стоятъ.

Натягасть Добрыня свой тугой лукъ,

Да пушастъ Добрынюшка кленову свою стрѣлу
да во тѣхъ ли голубей.

Его лѣвая нога поскользнулася,

Его правая рука промахнулася,—

Попадаетъ Добрыня во маринкино окно,

Расшибастъ Добрыня стѣну каменную и печь
муравленную.

Выбѣгаетъ Маринка на красенъ свой крылецъ,

И кричитъ Маринка: «Какой, какой подлецъ

Сталъ со мной шутки шутить, сталъ смѣяться
надо мной,

Но переверну я тебя чернымъ ворономъ по
крутымъ горамъ летать».

—«Да что же ты мнѣ, б....ца, сдѣлаешь?»

Я пойду, схожу и своей бабушкѣ скажу,
Она заставитъ тебя, б....цу, сѣрымъ волкомъ
ходить

И заставитъ на тебѣ воду возить:
На гору кнудомъ погонять,
А подъ гору тебѣ губы рвать».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Тимофеевичъ Кляшнинъ 61 года.

Б. Какъ не сырой дубъ матерый къ землѣ
клонится,
Не бумажные листочки разстилаются —
Какъ раскланялся Добрыня своей матери:
«Ужъ ты гой еси, родимая родная маменька!
На меня ли Государь-Царь прогнѣвался,
Наложилъ онъ на меня службу тяжелую:
Приказалъ мнѣ по бѣлу свѣту проѣхати,
Все, про все Добрынюшкѣ распросити,
Распросити, распровѣдати».
Онъ беретъ, беретъ Добрыня тесьмяную узду,
И всходитъ Добрыня во конюшеньку,
Обратываетъ добра коня;
Надѣваетъ онъ уздечку тесьмяненькую
И накидываетъ сѣдельце черкесское;
Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шел-
ковенькихъ,
Онъ не для красы, Добрыня, а для крѣпости.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казачка Дарья Сошникова; ст.
Оренбургская, Бердскій поселокъ, 1903 г., казачка Анастасія Бѣлякова.

В. Какъ со вечера Добрынѣ Никитичу
Ему приказъ отданъ былъ.
Ко полу-то-ночи Добрынюшка
Да онъ собираться сталъ;
На бѣлой-то зарѣ сыночекъ Никитичъ
Сталъ коня сѣдлатъ;
На восходѣ было красно солнышко,
Да онъ сталъ со двора съѣзжать.
Какъ никто-то его, Добрынюшку,
Его провожать нейдетъ,
Провожала его, Добрынюшку,
Его матушка родимая,
Вовторыхъ-то провожала его хозяйюшка—
Шельма—молода жена;
Молодой-то женѣ онъ, хозяйюшкѣ,
Наказы сталъ наказывать:
«Ты живи-ка, живи, молодая моя жена,
Живи ровно девять лѣтъ,
Какъ на десятомъ-то году, молодая жена,
Тебѣ двѣ волюшки:
Хочешь замужъ иди или во вдовахъ сиди,
Моя женушка».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

Г. Какъ не стукъ стучить во теремѣ, не
громъ гремитъ,
Что не сырой дубъ ко могучей землѣ клонится,
Не лавровые листочки растилаются—
Какъ раскланялся Добрыня своей матери,
Пречестной вдовѣ Ефиміи Александровнѣ:

«Ужъ ты гой еси, моя родная матушка,
Пречестная вдова, Ефимія Александровна!
Я не злата у тебя прошу, не серебра,
Я прошу у тебя велико благословеньице
Отъ ретиваго твоего сердечушка».
Какъ пошелъ сынъ Добрыня на задній дворъ,
Выбралъ коня что не лучшаго,
Что не лучшаго, что не ѣзженнаго;
Надѣвалъ узду ременную, тесьмяную;
Онъ накидалъ подкидочку бѣль-поярчатую;
Онъ накладывалъ сѣдельце черкасское;
Онъ подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шел-
ковыхъ,
Онъ не для красоты, Добрыня, все для крѣпости.
Какъ садился Добрыня на своего коня,
Поѣхалъ Добрыня со широка двора.
Его матушка взялась за гривушку,
А молода жена за стремечко.
—«Ужъ ты гой еси, сынъ Добрыня Никитье-
вичъ!
На кого ты меня, при старости лѣтъ, покидасшь?
А молодой женѣ что приказываешь?»
—«Говорилъ я своей молодой женѣ:
Черезъ девять лѣтъ хоть меня домой не жди,
На десятомъ годочкѣ хоть замужъ поди:
Хоть за князя, хоть за барина,
Не ходи только за Алешу Поповича:
Мнѣ Алеша названный братъ».

Ст. Оренбургская, 1903 г., казаки Филиппъ Михайловичъ Бар-
бусовъ 76 л. и Никита Ильичъ Качалинъ 53 л.

Молодой
донской
казакъ и
турчиннѣ.

А 1.

Какъ летать-то, летать сизою орлюшка,
по горамъ летать,

Онъ летать-то, летать, все полетывалъ,
Онъ Донское войско высматривалъ;
Онъ проѣздъ-то имѣть кругъ Донска войска,
Онъ Донское войско выспрашивалъ:
«Нѣтъ ли у васъ, во Донскомъ войскѣ,
Нѣтъ ли охотничка и поединника
Сопроти меня, млада турчаннина?»
Выѣзжалъ изъ Донска войска молодой казакъ,
Молодой казакъ лѣтъ семнадцати.
Выѣзжаетъ онъ на высокъ курганъ,
На высокомъ на курганѣ Богу молится,
Богу молится, низко кланяется,—
Онъ съ Донскимъ войскомъ прощается:
«Ты прости-ка, прощай, войско Донское;
Благослови меня, отецъ съ матерью».
Они съ турчанниномъ съѣхались, поздоровались,
Разъѣхались, распростилися, другъ на дружку
располчилися.
Молодой турчиннѣ донского казака изъ сѣдла
вышнѣ.

Обратилъ донской казакъ добра коня,
Онъ снесъ турчину буйную голову,
Онъ повезъ ее своему Царю Бѣлому.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Илларионъ Сухановъ и 1904 г.,
нестр. старш. разряда Гавриилъ Гурѣевъ.

А₂. Не ясенъ соколъ по крутымъ горамъ летаетъ—

Злой турчинъ по степи гуляетъ;
Какъ проѣздъ имѣть вокругъ Донска войска,
Надъ Донскимъ войскомъ посмѣхается
И называетъ войско—вороною:
«Ты, ворона ли, ворона, войско Донское!
Нѣтъ изъ васъ охотника и на меня поединщика».
За досаду войску Донскому показалось.
Выѣзжалъ-то изъ Донска войска молодой ка-
закъ,

Отъ роду ему лѣтъ семнадцать,
И выѣзжалъ же онъ спротивъ злого турчанна.
Какъ сѣхались съ нимъ, поздоровались,
Поздоровавшись, врозь поразѣхались,
Промежъ ихъ земли—на двѣнадцать верстъ;
Поразѣхавшись, съ нимъ ударились.
Побивалъ-то молодой вьюноша злого турчина
И отрубилъ ему башку поганую;
Онъ взялъ ее за черны кудри
И повезъ ее къ Царю Бѣлому.
И за то его Царь много жаловалъ:
Цѣловалъ его въ буйну голову.
—«Еще Богъ тебѣ помогъ, молодой казакъ,
Злого турчина убить».

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринимъ въ ст. Разсыпной.

А₃. Что не сизой орелъ по поднебесью леталъ—
Младой-то турчанинъ по войску разѣзжалъ;

Онъ искалъ себѣ поединщика,
Споединщика спротивъ себя молодого турчаннина.
Надъ Донскимъ-то войскомъ сталъ онъ посмѣ-
иваться:

«Ты, ворона, ворона, Донско войско;
Еще нѣтъ-то въ тебѣ споединщика
Спротивъ меня, младого турчанина;
Все побью, размечу ваше войско Донское;
Даю время на часъ,—вы обдумайте сейчасъ».
А между этимъ разыгрывалось сердце удалое
казачье.

Какъ возговорилъ рѣчь младъ донской казакъ:
«Вы позвольте-ка мнѣ, слугѣ вѣрному,
Съ этимъ ворогомъ со поганымъ
Помѣриться силушкой рука объ руку;
Дайте мнѣ времени только на недѣлюшку;
Я пойду сейчасъ къ люту ворогу.
Ахъ ты гой еси, витязь, витязь, молодъ ты:
Ты напрасно оскорбляешь насъ;
Такъ кажется тебѣ, что живьемъ ты насъ съѣшь;
Нѣтъ, подавишься,—ты на одномъ мнѣ оста-
новишься».

Если хочешь меня знать, какъ звать, величать и
чествовать....

Я—сынъ казака,—Григорій Алексѣевичъ,
А по-улочно зовутъ «Рыжичка».
На прощанье я съ тобой спрошаюсь:
Хочешь ты—пикой, хочешь—шашкой рубнись».
Быстро поворачиваетъ коня;
Сердце пламенемъ нылаетъ у героя;
Говоритъ онъ Царю: «Ужъ ты, батюшка Царь,
Не могу я терпѣть, надъ собой ворога глядѣть:
Ты позволь-ка мнѣ удариться съ нимъ».

Если живъ-то буду я, вы встрѣчайте меня съ
барабанами,
А если убьютъ онъ меня, похороните меня со
знаменами».

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Владиміръ Гришинъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

Разбойничій ата-
манъ. *)

Какъ издалече, все подалече,
Во чистомъ-то полѣ,
Какъ еще было подалече,
Было при раздольѣ:

Стояла бѣлая береза.

Какъ со комельку бѣлая береза
Она была, была свилевата,
По сердочкѣ бѣлая береза
Была трухлевата,

А къ вершинушкѣ зелена-кудрява.

Не бѣлы то снѣжки въ полѣ выпадали—
По порошицѣ охотнички выѣзжали,
Не кунцу ли они съ краснымъ сободемъ
искали—
Хотятъ-то, хотятъ тебя, красный соболю, поймати,
Хотятъ изъ тебя шубу сшити и боб-
ромъ опушити.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Ефимовичъ Стри-
жевъ 61 года.

*) Эта пѣсня рисуетъ ненадежное положеніе атамана и высылку
противъ разбойниковъ войска.

Казаки на
Волгѣ и
Каспій-
скомъ
морѣ.

А₁.

Какъ съ верховьевъ-то Волги-матушки
Выплывала же тутъ легка лодочка.
Эта лодочка изукрашена,
Парусами она изувѣшена,
Ружьями она изуставлена,
Какъ носъ-то, корма позолочены.
Какъ въ носу-то стоитъ есаулъ съ багромъ,
А въ кормѣ-то сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ-то лодки—добры молодцы,
Посреди-то лодки—тонокъ бѣль шатеръ;
Какъ подъ этимъ шатрикомъ—шелковый ко-
веръ;

Какъ подъ этимъ ковромъ—золотая казна.
Какъ по этой по казнѣ красна дѣвица
Она плачетъ, какъ рѣка льется:
«Мое золотое кольцо распаялося,
Драгоценный камень мой разсыпался,
Моя русая коса расплеталася,
Выплеталася ала лентушка
Она славно-ярославская,
Золотая казна разсыпалася;
Изъ-за той-то казны быть вамъ сгубленнымъ:
А тебѣ-то, атаманъ, быть повѣшенному,
А тебѣ-то, есаулъ, быть разстрѣянному,
А вѣдь вамъ, молодцамъ, срубятъ головы».

Ст. Сакмарская, 1902 г., казакъ Савелій Выровшиковъ.

А₂.

Ты взойди, солнце, надъ горою надъ висо-
кою (взойди, а ты надъ высокою),

Ты надъ рѣченькою надъ глубокою (а ты надъ
глубокою).
Обогрѣй-ка, солнце, двоихъ молодцовъ (а ты
двоихъ молодцовъ):
Есаулушку а ты съ атаманушкой (а ты съ ата-
манушкой).
Какъ по моречку, морю по Каспійскому (по
Каспійскому);
Ничегохонько въ морѣ не виднѣлося (не вид-
нѣлося),
Только завидѣлася въ морѣ легкая лодочка (въ
моречкѣ легкая лодочка).
Хорошохонько лодка была изукрашена (изу-
крашена),
Молодцами лодка была изусажена (изусажена);
Молодцами, гребцами, славными пѣвчими (эй,
славными пѣвчими).
Во носу сидитъ атаманъ съ весломъ (эй, атаманъ
съ весломъ);
Во кормѣ сидитъ есауль съ ружьемъ (эй, еса-
уль съ ружьемъ);
Посреди лодки стоитъ полотнянъ шатерь (и
полотнянъ шатерь);
Во шатрѣ стоитъ новъ-кленовый столъ и новъ-
кленовый стулъ.
На стулу сидитъ красная дѣвица (и красная
дѣвица)—
Есаулова родная сестрица (и родная сестрица)
И атаманова прежняя полюбовница (и полю-
бовница).
Она такъ плачетъ и плачетъ, она какъ рѣка
льется (и какъ рѣка льется);
Жалобу творитъ она на отца съ матерью (и на
отца съ матерью):
«Сызмалехоньку дали вы мнѣ полную волюшку
(и полную волюшку),

Сызмалехоньку дали вы мнѣ—лѣтъ съ семнад-
цати (и лѣтъ семнадцати);
Богъ судья родимому моему батюшкѣ (и моему
батюшкѣ),
А и паче того сударынькѣ—родной маменькѣ».

Записана отставнымъ генераль-майоромъ А. И. Суровымъ.

Б. Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
Еще какъ же намъ, ребята, города пройти?
— Астраханское славное царство пройдемъ со
вечера,
А Царицынь городочекъ—во глуху полночь,
А Саратовъ—на бѣлой зарѣ.
Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся.

Ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

В. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
Поднималася погода,
Погода не малая,
Не малая погодушка, волновая.
Ничего въ волнахъ было не видно,
Только видно, только слышно,

Бѣлы парусы бѣлѣють,
Бѣлы парусы бѣлѣють,
На гребняхъ шляпы чернѣють.
Какъ по рѣченькѣ плыветъ лодочка;
Во кормѣ лодки сидитъ
Атаманъ съ весломъ,
Во носу лодки сидитъ
Есауль съ письмомъ.
Акулина выходила,
Графинъ водки подносила,
Графинъ водки подносила,
Атаману подавала.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Ниль Соколовъ.

B.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой славной долгой;
Подымалася погода,
Погодушка не малая,
Не малая волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно, только слышно,
Одна лодочка чернѣетъ,
Паруса на ней бѣлѣють.
Этой лодочки хозяинъ
Есть хозяинъ—атаманъ нашъ.
«Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку,
Ко желтому ко песочку,
Ко Дуняшину подворью!»
Дуняшенька выходила,
Графинъ водки выносила,

Казакн
на Яикѣ
(Уралѣ).

А. Выметываль нашѣ Яикушка
На синемѣ морѣ Камынѣ-островѣ.
На островѣ Камынѣ казаки живутъ,
Казакн живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемѣ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной;
Снимали съ золотой казной красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купеческую.
Начали дѣлать золоту казну промежду себя;
На-конѣ клали раскрасавицу, красну дѣвушку;
Начали между себя жербій трясти.
Доставалась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговорилъ тутъ атаманушка таковы слова:
«На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ,
На паю-то, на дуванѣ, я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка».
Возговорила красна дѣвушка таковы слова:
«Ужъ ты гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пятьсотъ рублей,
Подвязочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю
тысячу,
А самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, цѣны нѣтъ».

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казачка Дарья Сошникова.

Б. За Ураломъ, за рѣкой, казаки гуляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пуцають.
Гей, гей, живо не робѣй!
Пѣсни распѣвають.

Казаци не простаки, волные ребята;
У всѣхъ на шапкахъ тумакн, всѣ живутъ богато.
Гей, гей, живо не робѣй!
Всѣ живутъ богато.
Въ темномъ лѣсѣ до полночи въ полѣ раз-
ѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей, живо не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.
Нашъ товарищъ—острый ножъ, сабля лиходѣйка;
Пропадемъ хотя за грошъ, жизнь наша копейка!
Гей, гей, живо не робѣй!
Жизнь наша копейка!
Вотъ сибирскіе кунцы ѣдутъ съ соболями...
Налетимъ, братцы, на нихъ, налетимъ орлами!
Гей, гей, живо не робѣй!
Налетимъ орлами!
Сладко выьемъ, поѣдимъ—все горе забудемъ
И ужъ больше по лѣсамъ мы ѣздить не будемъ!
Гей, гей, живо не робѣй!
Мы ѣздить не будемъ!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ; записана также въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подѣсауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б. За Ураломъ, братцы, за рѣкой, казаки гу-
ляютъ

И стрѣлою каленой за рѣку пущаютъ.

Гей, гей, гей, живо не робѣй!

За рѣку пущаютъ.

Казаци не простаки, вольные ребята,

Все на шапкахъ тумакн, всѣ живутъ богато.

Гей, гей, гей, живо не робѣй?
Всѣ живутъ богато.

Они ночи мало спятъ, въ полѣ развѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.

Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.

Нашъ товарищъ—острый ножъ, шашка лихо-
дѣйка,
Пропалемъ мы не за грошъ,—жизнь наша ко-
пейка!

Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Жизнь наша копейка!

Вотъ сибирскіе купцы ѣдутъ съ соболями;
Вотъ московскіе купцы ѣдутъ со деньгами.

Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Ѣдутъ со деньгами.

Мы добычу отобѣемъ, славно попируемъ;
Все поровну подѣлимъ, все горе забудемъ!

Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Все горе забудемъ!

Ст. Оренбургская, 1899 г., урядникъ Никита Николаевъ; ст.
Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ сотникъ
Д. Е. Пичугинъ); ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. старш. разр. (писарь)
Иванъ Вишняковъ; ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Дума удалога
молодца пе-
редъ царскимъ
допросомъ.

Далеченько, далеченько, того было по-
дальше,

При долинушкѣ, при широкомъ раздольицѣ
Стоялъ сыръ матерый дубъ;

При немъ стоялъ полотнянъ шатеръ.

Какъ во шатрикѣ разосланъ сѣрый войлочекъ,

На войлочкѣ лежалъ добрый молодецъ,
Не убитъ-то лежалъ—весь израненный;
Въ головахъ-то его лежала сѣдельная подушечка,
У сыра дуба стоялъ его сивый добрый конь.
Полежавши, возговорилъ добрый молодецъ:
«Не шуми ты, мать—зеленая дубравушка!
Не мѣшай ты мнѣ, доброму молодцу, думу ду-
мати:
Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу, во допросѣ
быть
Передъ строгимъ судьей—передъ самимъ Ца-
ремъ».

Сталъ его Царь выспрашивать:
«Кто у тебя, у молодца, атаманомъ былъ?»
—„У меня атаманомъ былъ сивый добрый конь“.
—«А кто у тебя есауломъ слылъ?»
—„У меня, у молодца, есауломъ слылъ кленовый
лукъ“.
—«А кто у тебя, у молодца, былъ скорой по-
солъ?»
—„Скорой посолъ у меня былъ свинцова пуля“.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринимъ въ ст. Нижнеозер-
ной отъ Ев. Ал. Донскова.

Сестра и
братья
разбой-
ники.

А.

Какъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Тамъ жила вдова пребогатая;
Какъ у этой вдовы было девять сыновъ,
Было девять сыновъ, дочь десятая,
Дочь десятая разбезсчастная:
Какъ ее ли братья возненавидѣли,
Возненавидѣли, замужъ выдали,

Замужъ за море все за барина.
Прожила ли годъ -- другой, объ домѣ скучилась,
Къ родной маменькѣ своей собиралась,
Черезъ синее море переправлялася;
Переправившись черезъ море, стали кашницу ва-
рить,
Стали кашницу варить, вороныхъ коней понть.
Что не черные вороны съ горъ солеталися—
Какъ напали на нихъ девять разбойниковъ,
Какъ ея то мужа зарѣзали,
Какъ ея-то дитя въ воду бросили,
Какъ свою-то сестру во полонъ взяли,
Во полонъ взяли, стали спрашивать:
„Ты какого роду, роду-племени?“
— «Роду батюшки, родной матушки».
Атаманъ ихъ закричалъ тонкимъ голосомъ:
„Ужъ вы, братцы мои, что мы надѣлали!
Мы своего зятя зарѣзали,
Мы свое племя въ воду бросили,
А свою родну сестру во полонъ взяли“.

Ст. Богусловская, 1903 г., казакъ Павелъ Макарьевичъ Бур-
дуцковъ.

А₂. **Ж**ила-была молодая вдова;
Какъ у этой вдовы было девять сыновей,
А десятая дочь разнесчастная.
Братья сестру возлелѣяли,
Возлелѣяли да въ разбой ушли,
А безъ нихъ-то сестрицу замужъ выдали.
Она годъ-то жила и другой жила,
А на третій годокъ стосковалася,

Къ родной маменькѣ собиралася.
Они день ѣхали и другой ѣхали,
А на третій день становилися
Лошадей кормить, сыну кашу варить.
Какъ напали на нихъ злы разбойники;
Они мужа ея убили, дитя въ воду бросили,
А самое-то ее во полонъ взяли.
Узнавала ихъ молода сестра,
Взговорила имъ таковы слова:
«Ужъ вы, родимые мои брателки!
Вы мужа моего убили,
Племянника въ воду бросили,
А меня, сестрицу, во полонъ взяли».
— «Ты, мила наша сестрица!
Что ты раньше не сказала?»
— «Я рада бы вамъ сказати,
Помутились мои глазоньки,
Опустились бѣлы рученьки,
И подкосились мои ноженьки».

Ст. Богуславская, 1903 г., казачка А. Керенцева 66 лѣтъ.

— * —

Жена и мужъ
разбойникъ.

Со вечера разбойнички
Думу думали,
Ко полночи разбойнички
На разбой они пошли,
Ко бѣлой зарѣ разбойнички
Всѣ домой они катягъ;
Катягъ, катягъ разбойнички,
Гонягъ девять лошадей,
На десятой на лошадакѣ

Самъ разбойничекъ сидѣлъ.
Какъ на встрѣчу разбойничку
Бхалъ шуринъ молодой.
«Свороти, шуринъ, съ дорожки:
Я проѣду молодецъ;
Не свратишь ты съ дорожки,
Снесу голову я съ плечъ!»
Вынулъ пашку, вынулъ востру,
Снесъ онъ голову съ него.
Еще снялъ съ него рубашку—
Коленкову съ него.
Завернулъ эту рубашку
Во батистовый платокъ.
Подъѣзжаетъ разбойничекъ
Ко широкому двору;
Стучить, бренчить разбойничекъ,
Стучить тростью въ ворота.
«Отворяй, жена, ворота:
Я проѣду поскорѣй.
Я привезъ, жена, подарокъ,
Не развѣтывай при мнѣ.»
Нестерпѣла жена, развязала...
Поллились слезы изъ глазъ.
«Ужъ ты, с..... с..., разбойникъ,
Зачѣмъ шуринъ убилъ?
Моего шитья рубашка,
Вышивала ему я».

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Федоровъ.

Разбой-
ники хо-
зяйнича-
ють въ
чужомъ
домѣ.

А. 1. Собирайтесь, ребяташки, вы усикъ наголо!
(Больше!)

Припѣвъ: Ай да усы, усы, усы, усы, усы, раз-
валистые усы!
Собиралось насъ усовъ—полна хата молодцовъ.
(Много!)

Припѣвъ.
На насъ красныя рубашки, косые ворота.
(Славно!)

Припѣвъ.
Напередн сидѣть уснице самъ—атаманище. (Страш-
ный!)

Припѣвъ.
Онъ приказанья отдасть, всѣ-то выслушиваютъ.
(Молча!)

Припѣвъ.
Вы лѣсомъ, молодцы, идите да не шумаркайте!
(Тише!)

Припѣвъ.
Скорѣй во дворикъ вы входите да выстраивай-
тесь! (Живо!)

Припѣвъ.
Слышь, хозяинъ, ты, нашъ хозяинъ, поворачи-
вайся! (Дома!)

Припѣвъ.
Кладн-ка денежки на столикъ да расплачи-
вайся! (Нужно!)

Припѣвъ.
Самъ хозяинъ намъ тутъ божился: ни копейки
денегъ нѣтъ! (Ври!)

Припѣвъ.
На печи сидѣлъ мальчишка, онъ вдругъ про-
молвился: (Неладно!)

Припѣвъ.
‘У хозяина денегъ много, да всѣ припрятаны‘.
(Ищи!)

Припѣвъ.

Мы въ, подпольще входили, много денегъ тамъ
нашли. (Много!)

Припѣвъ.

Ты, хозяинъ ли нашъ, батька, подавай-ка намъ
вина! (Выпьемъ!)

Припѣвъ.

За виномъ хозяинъ самъ идетъ, намъ дубину
несетъ. (Маршъ!)

Припѣвъ.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Н. Стрижевъ.

*А*₂. Собиралися ребята все усъ наголо. (Живо!)

Припѣвъ: Ай усы, ай усы, разбористые усы!
Вы беритесь за заборъ и мечитесь всѣ на дворъ.
(Живо!)

Припѣвъ.

Набралась изба усовъ, все такихъ же молод-
цовъ. (Много!)

Припѣвъ.

На нихъ черныя папахи и пошты всѣмъ паль-
ты. (Славно!)

Припѣвъ.

За столомъ сидитъ усеще - атаманище. (Страш-
ный!)

Припѣвъ.

Ничего не говорятъ, только усомъ шевелить.
(Молча!)

Припѣвъ.

Шевелись-ка, братъ—хозяинъ, поварачивайся!
(Дома!).

Припѣвъ.

Клади денежки на столъ да расплачивайся.
(Живо!)

Притѣвъ.

Какъ хозяинъ тутъ божился: ни копейки де-
негъ нѣтъ. (Ври!)

Притѣвъ.

А на печкѣ лежитъ мальчикъ, онъ промолвился:
(Неладно!)

Притѣвъ.

„У насъ деньги въ кладовкѣ и зарыты во мукѣ“.
(Правда!)

Притѣвъ.

Старушеночка трясется, она съ маслицемъ не-
сется. (Въ кассу!)

Притѣвъ.

Мы давайте-ка закусимъ (Лей больше), хлѣба
соли мы пропустимъ. (Можно!)

Притѣвъ.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринимъ отъ Федота Анто-
новича Мельникова.

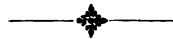
— * —

Разбойники хоро-
нять товарища,
раненаго въ бою.

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
Въ своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные
Мечи положены.
На нихъ лежитъ сраженный

Разбойникъ молодой;
Онъ весь окровавленный,
Съ разбитой головой.
Изъ ранъ-то кровь сочилась
По бровямъ и вискамъ;
Ремни его кольчужны
Кругомъ обрублены.
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ торчатъ,
Два острые кинжала
Въ груди его блестятъ.
«Давайте поскорѣ
На мѣсто понесемъ
И выроемъ могилу
Мы брату своему». —
Мы вырыли, спустили;
Сказали: «Братъ, прощай!
Прощай, прощай, товарищъ,
Разбойникъ молодой!
Намъ некогда, разбойникъ,
Бесѣдовать съ тобой!»
А сами поскорѣ—
Опять въ кровавый бой.

Ст. Мѣсская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; сообщилъ
сотникъ Д. Е. Пичугинъ Ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Савелій Вы-
ровщиковъ.

Узникъ въ **А.**
темницѣ.

Какъ на крутенькомъ то было на сла-
вномъ бережочкѣ,
На желтомъ мелкомъ песочкѣ;
Тамъ состроена была злодѣюшка, была темная
темница.

Я сижу, мальчикъ, ровно тридцать лѣтъ,
За бездѣлицу мальчикъ сижу—за красну дѣвицу,
За ея ретиву косу, за ленту алую.

Ст. Долгодеревенская, поселокъ Прохоровскій, приказный (развѣдчикъ) С. И. Полкорытовъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

В.

Аленькій цвѣточекъ
На вѣточкѣ сповялъ—
Любилъ парень дѣвку,
Любить онъ пересталъ,
Любить онъ пересталъ,
Въ острогъ мальчикъ попалъ.
Какъ въ той тюрьмѣ несчастной
Разбойничекъ сидѣлъ;
Ждалъ онъ себѣ смерти
Отъ грозныхъ палачей.
Вдругъ двери растворились—
Палачъ къ нему взошелъ....
Вотъ шашечка блеснула
Въ рукахъ у палача;
Мальчишка испугался,
Со страху задрожалъ.
«Сѣките вы, рубите,
Не плачьте обо мнѣ:
Былъ я въ полѣ воинъ,
Всѣхъ рѣзалъ и рубилъ,
Ни коннымъ, ни пѣшимъ
Проходу не давалъ;
На лютыхъ на звѣрей
Напрасно нападалъ;

Размелкинхъ я пташечекъ
Съ-налету побиваль:
Красавецъ, дѣвченкокъ,
Съ-наскоку цѣловаль.»

Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст. Оренбургская, Бердскій поселокъ, 1903 г., казачка Анастасія Михайловна Бѣлякова.

Г.

Ужъ ты, садъ ли мой, садъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, повялъ?
Въ саду молодець гулялъ,
Ворона коня искалъ.
«Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Разворонный доброй мой!
Выручай-ка ты меня
Какъ изъ той-то бѣды—
Бѣлокаменной тюрьмы.»
Идетъ солнце на востокъ,
Ведутъ милаго на сходъ;
Напередъ палачъ съ плетью,
Позади жена съ дѣтьми.
«Ужъ ты, женушка, жена,
Жена, барыня моя!
Выручай-ка ты меня:
Подари-ка палача.»
— «Подарила бѣ палача,
Нѣту денегъ ни гроша.»
— «Ты сыми-ка, сыми
Съ руки золотъ перстенекъ,
Передай чрезъ весь народъ.»

Идетъ солнце на закатъ,
Всдутъ милаго назадъ.
— «Благодарю тебя, жена,
Что ты выручила меня,
Подарила палача.»

Ст. Новоорская, 1900 г., трубачъ Николай Михайльченковъ;
ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. старш. разр. (писарь) Гаврилъ Гурьевъ.

Воръ-бродяга про-
ѣздомъ въ род-
номъ селѣ.

По пути села родного колокольчикъ про-
звенѣлъ, —
Тутъ промчался воръ-бродяга, бездомовый че-
ловѣкъ.
Ты куда, куда, бродяга, ты куда скоро снѣ-
пишь?
Тебя братъ родной не встрѣтитъ и за ручку
не возьметъ,
Твоя маменька родная подъ вѣнцомъ съ дру-
гимъ стоитъ,
А хозяйка молодая во сырой землѣ лежитъ.
Всю дороженьку мальчикъ проѣхалъ, не ви-
далъ онъ никого;
Подѣхалъ ко лѣсочку, его солнышкомъ при-
грѣло,
Его солнышкомъ пригрѣло и преспокойно ночку
спалъ.

Ст. Сакмарская, 1903 г., нестр. старш. разр. (оружейникъ)
Лаврентій Брынецъ.

ОТДѢЛЪ III.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ

БЕЗЫМЯННЫЯ.

Смерть
Царя.

А₁.

Какъ у насъ-то на Святой Руси, во камен-
ной Москвѣ,
Тутъ ударили въ большой колоколь,
Чтобы слышно было по всей арміи, конной
гвардіи.
Молодой-то казакъ на часахъ стоялъ себѣ смѣны
ждать,
Себѣ смѣнушки, перемѣнушки.
Говорилъ-то онъ: «Ты возмой-ка туча черная!
Ты пролей-ка, сильный дождичекъ!
Ты размой-ка, размой гробову доску!
Ужъ ты встань-ка, проснись, православный нашъ
Бѣлый Царь!
Передъ тобой-то стоитъ сила армія, конно-гвардія,
Заморенныя, трое сутокекъ не кормленныя,
Всю недѣлюшку непоенныя.»

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Лилія Барбусова.

А₂.

Какъ на матушкѣ на Святой Руси,
Въ Петербургѣ—славномъ городѣ,
У дворца было Государева,

У крылечушка параднаго,
Молодой казакъ на часахъ стоять,
Призадумался, пригорюнился,
Слезно всплакался.
Во слезахъ казакъ слово вымолвилъ,
Слово ласково, всѣмъ привѣтное:
«Вы подуйте же съ горь, вѣтры буйныя,
Разнесите вы снѣга бѣлыя;
Растушися же мать сыра земля;
Растушися же, бѣть-горючь камень;
Расколися же, гробова доска:
Раздерися же, золота парча;
Распахнися же, бѣть тонокъ саванъ;
Ужь ты встань-возстань, православный Царь!
Погляди на свою армію:
Всѣ казаченьки во строю стоятъ, по ружью дер-
жать;
Всѣ полковнички—по своимъ полкамъ;
Подполковнички по своимъ мѣстамъ;
А майориці—на добрыхъ коняхъ;
А хорунжіе—подъ знаменами.
Они ждуть-поджидаютъ Царя Бѣлаго,
Не возстанетъ ли православный Царь,
Не поглядитъ ли на свою армію.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

А г. **Н**е былиночка въ полѣ зашаталася—
Молодецкая буйная головунка въ полѣ загу-
лялася
Въ одной тоненькой миткалевой рубашеночкѣ,
Въ одномъ тоненькомъ кармазиновомъ каф-
танчикѣ;

Первоначальное возникновение казачества. Сходцы: гулебщины, бѣглыя и прочіе.

У рубашечки рукавички бѣлы засучены,
У кафтанчика полы были заткнуты:
Алой кровью бусурманской были забрызганы.
Поднималася навстрѣчу добру молодцу съ горь
погодушка,
Навстрѣчу добру молодцу вьюга сильная не-
утишимая:
Не видать-то ему было свѣта вольнаго,
Не слышать-то было ему звона колокольнаго.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачки Анна Бѣлякова 18 лѣтъ.

А 2. Далеченько, да и того было подальше,
Тамъ ходилъ-то, гулялъ охотничекъ, гулебши-
чекъ,
Легкую турочку *) на себѣ носилъ.
Хорошо его была турочка изукрашена:
Она золотомъ была изувивана,
Она серебромъ была изусѣчена,
Чистымъ жемчугомъ изунизана.
Изъ-за горь-то, горь высокинхъ,
Выходила олень бѣлая.
Тамъ увидѣлъ же младъ охотничекъ
Олень бѣлую златорогую.
Ни одна-то она шла, со дѣтятами,
Съ молодыми оленятами.
И хотѣлъ убить охотничекъ олень бѣлую,
Пожалѣлъ-то ее дѣтушекъ, оленятушекъ.

*) Турка—турецкое ружье.

Вышелъ же охотничекъ на Барсуатъ-рѣку,
И убивать-то онъ утку събрюю.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозер-
ной въ 1888 году.

Аз. Изъ-за лѣса было, лѣса темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокихъ,
Выбѣгала-то тамъ олень бѣлая,
Олень бѣлая, златорогая,
Златорогая, златобокая.
Какъ за ней-то бѣжитъ младъ охотничекъ,
Младъ охотничекъ, младъ гулебшичекъ,
За плечами-то несетъ легкую турочку,
Турочку, винтовочку.
Хорошимъ-хорошо эта турочка была изукрашена,
Златомъ-серебромъ была изусѣчена,
Мелкимъ жемчугомъ была изунизана.
Скидавалъ, скидавалъ младъ охотничекъ съ себя
легкую турочку,
Онъ прицѣлился въ олень бѣлую.
Какъ возговорила олень бѣлая младому охотничку:
«Ты стой-ка, младъ охотничекъ,
Не бей олень бѣлую,
Не сироти-ка моихъ малыхъ дѣтушекъ, оленя-
точекъ,
Какъ ты видишь, младъ охотничекъ,
Они младымъ-младехоньки:
Не губи ихъ, младъ охотничекъ,
Не могутъ они сами себя поить-кормить.»

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А₄. Какъ во полѣ-то было, полечкѣ,
Во широкомъ во раздольницѣ,
Тутъ ходилъ-то гулялъ младъ охотничекъ,
За плечами-то носилъ охотничекъ легку турочку,
Легку турочку, винтовочку.
Хорошо турочка-винтовочка изукрашена:
Чистымъ жемчугомъ изунизана,
Златомъ-серебромъ изусѣчена.
Онъ ходилъ-то, гулялъ по край сinya моречка,
Онъ искалъ-то, искалъ оленя златогриваго;
Онъ нашель-то, нашель оленя златорогаго,
Златорогаго, златогриваго....

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

Б₁. Не шуми-ка ты, дубравушка зеленая,—
Не брани ты меня, матушка, мать родная:
Бранить будешь меня матушка,—
Съ двора сбудешь меня, матушка;
Съ двора сбудешь меня, матушка, не воротишь,
А воротишь меня, матушка, ненадолго...

(«*Казачій Вѣстникъ*» 1886 года № 21).

Б₂. Не шуми-ка, мать-дубравушка зеленая,
Не жури-ка меня, матушка, мать родная:
Журить, бранить меня матушка, будешь,—

Скоро съ рукъ меня, матушка, сбудешь;
Скоро съ рукъ сбудешь, назадъ не воротишь,
Хоть воротишь назадъ, ненадолго,—
На одинъ только кругленькій годочекъ....

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

В. Сирота ли ты, сироточка,
Сирота—солдатскій сынъ:
Нѣтъ у тебя ни роду, нѣтъ ни племени,
Ни кола, ни двора, ни мила живота.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1890 году.

Г. Ты, взойди-ка, взойди, солнце красное!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ—людей бѣдныхъ,
Солдатъ бѣглыхъ, безпачпортныхъ.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Татищевской въ 1890 году отъ Якова Андреевича Чернова 85 лѣтъ.

Д. **Ш**ель дѣтинушка путемъ-дороженькой.
Пристигла его ночка темная да разосенная
Во сыромъ-то бору подь сосною,
Подь сосенкою да подь зеленою,
Какъ подь грушицею—подь хорошею,
Подь рябинушкою—подь кудрявою.
Припаду я ко землѣ, ко землѣ, послушаю,
Что не стонетъ ли мать-сыра земля—
Что не плачетъ ли отецъ-мать обо мнѣ?

—
„Тужать, плачутъ они и рыдаютъ,
Сына въ гости они дожидаются.“

—
Ст. Кособродская, 1903 г., записаль сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Е. **С**кажи ты, лебедушка, скажи гдѣ была?
— „Я была, лебедушка, на синемъ морѣ!“
Скажи ты, лебедушка, что ты видѣла?
— „Видѣла я, лебедушка, сильны волны бьютъ,
Въ этихъ во волночкахъ корабликъ плыветъ,
За этимъ корабликомъ легка лодочка плыветъ,
Легка лодочка плыветъ тихой заводью“....

—
Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

Атамануш-
на. А 1.

Ой да какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался;
Онъ со травоньки да онъ со муравоньки,
Со муравоньки росой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо утирался;
Онъ московскому Чудотворцу
Богу молился,
Какъ на всѣ-то четыре сторонушки
Низко поклонился:
«Вы здорово ль, братцы-казаченьки,
Спали-ночевали?
Какъ одинъ-то я изъ васъ, добрый молодець,
Нездорово спалъ;
Не спалось мнѣ, добру молодцу,
Сколько во снѣ видѣлось:
Будто бы я, добрый молодець,
По край синя моречка ходилъ,
Будто бы я лѣвой ноженкой
Въ моречко обступился,
А правой рученькой за кустъ,
За ракитничекъ, ухватился».

Ст. Гирьяльская, 1899 года, урядникъ Яковъ Косогорсковъ;
ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ; ст. Миасская,
1902 г., урядникъ Михайлъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е Пичугинъ).

А 2.

Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался;

Онъ со травоньки, со муравоньки
Росой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо вытирался;
Онъ московскому Чудотворчику
Богу помолился;
Онъ на всѣ-то на четьре на сторонюшки
Низко поклонился;
На добра-то коня нашъ атаманушка
Онъ скоро сажился;
Къ своему-то полку нашъ атаманушка
Скоро подъявился.
«Вы здорово ль, мои братцы-казаченьки,
Спали-почевали?
Какъ я-то одинъ, добрый молодець, спалъ
И нездоровъ всталъ.
Я ходилъ-то гулялъ, добрый молодець,
По край снѣга моря;
Какъ и я-то, добрый молодець,
Въ синемъ моремъ остуился,
Остуился въ синемъ моремъ я,
За калиновъ кустъ схватился»....

(Мякушинъ стр. 253).

А. Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
Какъ по утречку нашъ атаманушка
Рано пробуждался,
Какъ со травоньки да со муравоньки
Росой умывался,

Тонкимъ бѣленькимъ да полотенчикомъ
Сухо утирался;
Онъ московскому Чудотворцу
Онъ Богу молился
И на всѣ четыре стороны
Низко поклонился:
«Вы здорово ль, братцы-казаченьки,
Спали-ночевали?
Какъ одинъ-то я, добрый молодець,
Спаль я нездорово:
Все ходилъ да гулялъ я, добрый молодець,
По край синя моря,
Какъ въ синее моречко лѣвой ноженкой
Въ море остутился,
Правой рученькой за кустъ
Ухватился,
Что за тотъ ли кустъ,
За крушину,
За кустъ, за крушину,
За саму вершину.
Ты, крушинушка моя,
Крушина,
Не ты ли молодца
Сушила, крушила?
Что сушить-то, крушить
Добра молодца
Чужая сторонюшка,
Молодая женушка».

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Молодцу
снится
недобрый
сонъ.

А г.

Ужь ты, солнышко мое красное!
Ты зачѣмъ рано закатаешься,
Иль во вѣкъ намъ не покажешься?

Вы, друзья ли, братцы мои, товарищи,
Неразлучные мои приятели!
Мнѣ вечеръ-то, ночесь, прошедшую ночь,
Мнѣ малость спалось, много видѣлось во снѣ.
Мнѣ привидѣлся некорыстный сонъ:
Не убитый лежу я, крѣпко раненый,
Вострой шашечкой я весь изрубленный;
За горой-то я лежу будго за высокою,
И да загороженный я лѣсомъ темнымъ,
Окруженный-то лежу я звѣрями лютыми;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ,
Проростала тутъ трава муровая,
Какъ на травкѣ цвѣты алые расцвѣли,
А сквозь-то буйную головушку раки товъ кустъ
проросъ.

На кусту-то сидитъ младъ соловушекъ,
Хорошо-то онъ поетъ, принасмивствуетъ,
Чистехонько какъ онъ выговариваетъ:
„Ужъ ты встань-ка, проснись,
Ты проснись-ка, братецъ мой!
Не одна мать насъ съ тобой воспроиздила,
Породивши она насъ, сама померла“.

Записана отставнымъ генераль-майоромъ А. И. Суровымъ.

А₂. Ой да вы, туманы ли мои, туманы,
Часты мелкіе дожди!
Поднимались вы, туманы,
Во глухую во полночь.
Ой да мнѣ сегодняшнюю ночь, раздоброму
молодцу,
Мнѣ малешенько спалось,—

Мнѣ привидѣлся, добру молодцу,
Сонъ не весель, не хорошъ:
Будто я-то, молодецъ, ой раздобрый молодецъ,
Призаброшенный лежу;
Рѣзвы ноженьки вдоль дороженьки пораскинуты,
Бѣлы рученьки на бѣлой поразложены;
Между пальчиковъ, межъ суставчиковъ
Ковыль-трава проросла;
На русыхъ монхъ кудряхъ, у меня добра моло-
дца,
Ремезейка гнѣздышко свила.
Ой да ты не вей-ка, ты не вей-ка мой реме-
зеюшка,
Гнѣздо на русыхъ монхъ кудряхъ,
А ты свей-ка, свей-ка, ремезеюшка,
Гнѣздо на ракитовомъ кусту.

Записана подьесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Ко-
тельникова.

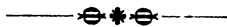

А₃.

Вы, туманы ли, туманьчики,
Часты мелкіе дожди.
Выпадали вы, туманьчики,
Во глухую во полночь.
Мнѣ нынѣшнюю темную ноченьку
Мнѣ малешенько спалось,
Мнѣ малымъ мало, доброму молодцу,
спалось,
Во снѣ много видѣлось:
Я ходилъ будто, гулялъ, добрый мо-
лодецъ,
По саратовской степи;

Я лежалъ будто убитъ, добрый молодецъ,
Бѣлой грудью на землѣ;
Между перстиковъ, суставчиковъ
Ковыль-травка проросла,
Ко моему ретиву сердцу
Лютая змѣя приползла;
Во моихъ русыхъ кудряхъ
Ремезъ гнѣздышко свиваль.
Ты не вей-ка, ремезеюшка,
Во русыхъ кудряхъ гнѣздо,
Совей-ка, ремезеюшка,
На ракиговомъ кустѣ.

Ст. Звѣриноголовская, нестр. стар. разр. Иванъ Матвѣевъ, записана сотникомъ Д. Е. Пичугинимъ.

А₄. Туманушки мои, туманушки
Разосенніе туманушки мои!
Не сподняться-ли вамъ, туманушки,
Со синя моря долой?
Не пора ли отстать печаль-кручинушкѣ
Отъ ретивого сердца моего?
Ужъ вы, братцы ль мои, вы товарищи,
Спалась ли вамъ ноченька крѣпкимъ
сномъ?
Мнѣ мало спалось, добру молодцу,
Много во снѣ видѣлось:
Будто я-то лежу, добрый молодецъ,
Среди матушки дикой степи, въ азиат-
ской сторонѣ;
Сквозь костей-то моихъ, моихъ ребрыш-
ковъ,
Шелковая травонька проросла,

Сквозь ретивое сердечко
Лазоревый цвѣтокъ расцвѣлъ,
Сквозь буйную-то головушку
Ракитовый кустъ проросъ,
Изъ-подъ этого изъ-подъ куста
Слезова рѣка пошла.

Ст. Нижнеозерная, Чесноковскій поселокъ, 1902 г., казакъ
И. И. Аляпсковъ 65 лѣтъ.

А. г.
Конь на-
зана чу-
еть бѣду.

Какъ у ключика было у текучаго,
У колодезя было у глубокаго,
У лужочка было у зеленаго,
Подъ грушицею было подъ кудрявою;
Тамъ донской казакъ спочивъ имѣлъ,
Онъ спочивъ-то имѣлъ, своего добра коня
поилъ, кормилъ,
Онъ поилъ-то, кормилъ конечка, выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ конечка, выпрашивалъ:
„Что же ты, конечекъ, не весело стоишь,
Не весель стоишь, не радошный,—
Ты повѣсилъ свою буйную головушку на пра-
вую сторонушку;
Аль ты чуешь, конечекъ, подъ собой невздо-
душку?“
—«Мнѣ, конечку, быть подстрѣлену,
А тебѣ, хозяинъ, быть убитому».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ и казакъ
М. Гурѣвъ.

А. **К**акъ у ключика было у текучаго,
У колодца то было у студенаго;
Молодой казакъ-душечка спочивъ имѣлъ,
Онъ спочивъ имѣлъ,—онъ коня кормилъ,
Онъ кормилъ-то, поилъ, все выглаживалъ:
„Ужъ ты, конь-ли мой, конечекъ воронскій,
Что не ѣшь-то ты, мой конь, шелковой травы?
Не пьешь ты, мой конь, ключевой воды?
И не ѣшь-то, не пьешь, не весель стоишь:
Ты повѣсилъ, мой конь, свою буйну головушку.
Иль ты чуешь, мой конь, надъ собой невзго-
душку,
Ты невзгодушку чуешь, несчастье великое?
Тяжела ли тебѣ моя сбруя ратная?
Или я-то на тебѣ, хозяинъ, тяжело сижу?“
—«Ты, хозяинъ, ты, мой, ты, хозяиннушка,
Ничего ты не знаешь, ничего не вѣдаешь:
Не тяжела мнѣ твоя сбруя ратная,
Да самъ-то ты, хозяинъ, не тяжело сидишь;
Какъ тебѣ-то, хозяину, быть убитому,
Какъ а мнѣ-то, твоему конечку, быть подстрѣ-
леному.»

Записана подѣсауломъ М. Т. Лобановымъ.

А.
Смерть
добраго
молодца
во чистомъ
полѣ.

Ты звѣзда ли, моя звѣздочка,
Гдѣ ты, моя звѣздочка, восходила?
Во дикой степи во диковинку.
Супротивъ этой звѣздочки огонекъ горить,
Подлѣ этого огонька посланъ войлочекъ;
На войлочкѣ лежитъ добрый молодецъ,

Не убитъ онъ, не застрѣленный, крѣпко раненый,
Вострой шашечкой изрубленный.
Кроватушка—мать сыра земля,
А постелюшка—бѣль ковыль-трава;
Какъ по правый бокъ—сбруя ратная,
По лѣвый—шашка вострая;
Во рѣзвыхъ-то ногахъ—сивый рѣзвый конь;
Бьетъ конечекъ копытчкомъ мать-сыру землю,
Пробуждастъ хозяина отъ сна крѣпкаго:
„Всѣ наши товарищи домой пошли;
Намъ съ тобой, хозяинъ, здѣсь не годъ годовать,
Намъ съ тобой, хозяинъ, здѣсь вѣкъ вѣковать“....

Ст. Нижнеозерная, 1901 г., казачка Прасковья Бѣлошеева
56 лѣтъ и урядникъ Иванъ Ефимовичъ Стрижевъ 61 года.

Б. Ты, долина моя, доль-долинушка,
Ничего ты, долинка, не породила;
Спородила долинка сыръ-высокій дубъ.
На дубу-то сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—царь сизой орелъ.
Во когтяхъ-то держитъ чернаго ворона,
Чернаго ворона—яснаго сокола.
Онъ бить-то не бьетъ, все страсть даетъ,
Все страсть-то даетъ да все выспрашиваетъ:
„Гдѣ леталъ ты, соколикъ? гдѣ сполетывать?“
— «Я леталъ лишь, соколикъ, во дикой степи.
Ужъ я видѣлъ тамъ чудо, чудо дивное,
Чудо дивное—гѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое человѣчсе.
Что никто же къ тому тѣлу не присту-
пится;

Прилетали къ тѣлу три ласточки,
Три ласточки, три косатыя:
Перва ласточка—родна мамонька,
Вторая ласточка—родна сестрица,
А третья ласточка—молодая жена».

Ст. Звѣриногородская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ
Матвѣевъ; записаль сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Б₂.

Ты, доль, наша, доль-долинушка,
Ты, раздольице—поле чистое!
Ничего ты, долинка, не породила:
Нѣтъ ни травоньки, нѣтъ не муравоньки,
Ни алыхъ цвѣтовъ, да нѣтъ лазоревыхъ;
Породила долинка сыръ ракистовъ кустъ.
На кусту-то сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—старъ сизою орелъ;
Во когтяхъ-то держитъ малу пташечку,
Малу пташечку, онъ соловушку;
Онъ бить-то не бьетъ, только страсть
даетъ.—
Какъ подъ кустикомъ ли, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ-убить добрый молодецъ.
Ужъ какъ не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются,—
Три лебедушки тутъ сокрушаются:
Увивается родна матушка,
Ужъ она плачетъ-то какъ рѣка льется,
А сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,

Молодая жена—что роса падеть;
Взойдетъ солнышко—росу высушить.

=====
Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ; записаль
сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

В.

Пыль съ полей запылилася,
И туманушки съ моря поднялися—
Поднималнся гуси-лебеди;
Не сами они собою поднималнся,
Сизаго орлика нанугалнся.
Какъ навстрѣчу имъ летить
Младъ сизой орель.
Онъ летить-то шибко-нашибко,
Онъ кричить-то громко-нагромко.
Гуси-лебеди стали выпрашивать его:
«Куда ты, орлюшка леталь?»
— „Я леталь-то по дикой степи.“
— «Что ты тамъ видалъ?»
— „Я видѣлъ-то, видалъ диво дивное:
Посередь-то поля лежить тѣло бѣлое;
Никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не притронется,
Только пристуналися, прилетали три ла-
сточки:
Отецъ съ матерью и его млада жена.“

—————
Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ.

Г₁.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Свѣтъ раздолье мое широкое!
Чѣмъ ты полюшко приукрашено?
Приукрашено все цвѣточками,
Все цвѣточками, василечками;
Посреди поля частъ раки товъ кустъ.
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—молодой казакъ,
Не убитъ лежитъ шибко раненый.
Въ головахъ у него—бѣль горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А у ногъ его стоитъ добрый конь.
„Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Ты, товарищъ ли мой!
Ты ступай-ка, бѣги во русскую землю.
Ты скажи-ка, скажи родному батюшкѣ,
Поклонись-ка ты родной матушкѣ,
Ты скажи-ка, скажи молодой женѣ,
Какъ жениль-то меня бѣль горючъ камень,
Обвѣнчала меня сабля острая,
Молодая жена—пуля лютая.“

Записана въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подъясаудомъ Л. Г.
Чернявскимъ.

Г₂.

Ужъ ты, поле мое, полечко!
Ужъ ты, поле мое чистое!
Ничего ты, поле, не спородило,
Спородило только кустъ раки товый.
Какъ на кусту сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—младъ соловушко;

А подь кустичкомъ лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—младъ казаченька.
Не убить онъ лежитъ, тяжело раненый,
Вострой шашечкой онъ изрубленный;
Въ головахъ у него лежигъ сѣдлышко,
А въ ногахъ-то стоитъ его вѣрный конь.
„Ужь ты, конь ли мой, конь развороненькій!
Оборви-ка чумбуръ расшелковенькій,
Ты бѣги-ка, бѣги по дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль къ отцу, къ матери.
Поклонись отъ меня родному батюшкѣ,
Родному батюшкѣ и моей матушкѣ,
Родной матушкѣ и молодой женѣ,
Младой женѣ, роду-племени.“—
Отворяяль ворота родной батюшка,
А встрѣчала коня родна матушка;
Принимала коня молода жена.
Какъ принявши коня, стали спрашивать:
«Ужь ты, конь ли, конь развороненькій!
Гдѣ хозяйюшка твой размолоденыкій?»
—„Хозяйюшка мой за Ураломъ, за рѣкой,
За Ураломъ, за рѣкой, онъ женился на другой:
Какъ женила его шашка вострая,
Обвѣнчала его пуля быстрая,
Встрѣчала его кровь горячая,
Обнимала его мать-сыра земля.“

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

Д.

За Ураломъ, за рѣкой,
Тамъ казакъ гуляль,
• Не одинъ казакъ гуляль,
Со товарищемъ.

Какъ товарищъ-то его—
Разворонный добрый конь,
Оборонушка его—
Шашка вострая.

Казакъ шашечкой махалъ,
Огонечекъ высѣкалъ,
Ковыль-травоньку рвалъ,
На огонечекъ ее клалъ.

Свои раны казакъ
Перевязывалъ,
Перевязывалъ
Да и рассказывалъ:

„Ужъ вы, раны ль мои,
Вы тяжелыя,
Тяжелы раны
Ко сердцу пришли.“

Передъ смертью казакъ
Сталъ наказывать:

„Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Разворонный добрый конь!
Обломи-ка ты, конь,
Свой дубовый приколъ!
Оборви-ка ты, конь,
Свой чумбуръ шелковой!

И бѣги-ка ты, конь,
По дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль
Къ отцу-матери родной!“

Отворяетъ ворота
Родимый тятенька,
Встрѣчаетъ коня
Родима мамсенька,

Стала спрашивать коня
Молодая жена:

„Ужъ ты, конь ли, мой конь!
Гдѣ хозяинъ твой?“

— «Хозяинъ-то мой
За Ураломъ за рѣкой.
За Ураломъ за рѣкой
Онъ женился на другой;
Что жена-то его—
Шашка вострая,
А женила его
Свинцова пуля,
Обвѣнчала его
Кровь горячая,
Принимала его
Мать-сыра земля.»

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записана сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Д₂.

За Ураломъ, за рѣкой,
Тамъ казакъ гулялъ,
Не одинъ казакъ гулялъ,
Со товарищемъ.
Какъ товарищъ-то его—
Разворонный добрый конь,
Оборонушка его—
Шашка вострая.
Какъ изъ той шашки казакъ
Огонечекъ вырубалъ,
Ковыль травыньку рвалъ,
На огонечекъ се клалъ.
Свои раны казакъ
Перевязывалъ,
Перевязывалъ
Да и рассказывалъ:

„Ужъ вы, раны ль мои,
Вы тяжелыя:
Тяжелы раны
Ко сердцу пришли.
Ко сердцу пришли,
Кровью изошли“.
Передъ смертію казакъ
Сталъ коню наказывать:
„Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Развороный добрый конь!
Облони-ка ты, конь,
Свой дубовый прикольъ,
Оборви-ка, мой конь,
Свой чумбуръ шелковой,
И бѣги-ка ты, мой конь,
По дорожкѣ столбовой,
По дорожкѣ столбовой
Къ отцу—матери родной;
Ты скажи-ка, мой конь,
Тяткѣ, маменькѣ поклонъ,
А женѣ молодой,
Что женился на другой.
Оженила меня
Пуля быстрая,
Обвѣнчала меня
Шашка вострая,
Принимала меня
Мать-сыра земля.“

Ст. Оренбургская, 1900 г., урядникъ Никита Николаевъ, ст. Кардаиловская, 1901 г., бомбардиръ-лаборантисъ Романъ Тарасенковъ; ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ; ст. Миасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записаль сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Д₃. За Кубанью, за рѣкой,
Тамъ ходилъ, гулялъ молодой казакъ;
Не одинъ-то гулялъ, со товарищемъ,
Со товарищемъ гулялъ-шашкой вострою.
Изъ вострой-то шанки огонечекъ вырубалъ,
Во чистомъ-то полѣ ковыль-травку рвалъ,
Ковыль-травку рвалъ, на огонечекъ се клалъ.
У огонька-то сидя, свои раны перевязывалъ;
Перевязавши раны, коня на приколъ сажалъ
И себѣ приговаривалъ:
„Ужъ вы, раны мои, раны тяжелыя,
Къ ретиву-то сердцу онѣ смертныя.“
На приколѣ коню онѣ приказывалъ:
„Оборви ты, конь, арканъ воровенный, *)
Изломай ты приколъ дубовенькій,
Выбѣгай ты, конь, на тихій Донъ;
Не тутъ бѣги, гдѣ вода шумить,
А тутъ бѣги, гдѣ травонька шелошетъ;
Разкажи ты батюшкѣ низкій поклонъ,
Моей матушкѣ—челобитнице,
Молодой-то женѣ—своя волюшка,
Малымъ дѣтушкамъ—мое благословеньице.“

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1888 году.

Д₄. За Кубанью, за рѣкой, тамъ казакъ гу-
лялъ;
Не одинъ казакъ гулялъ, со товарищемъ.
Какъ товарищъ-то его—разворонный рѣзвый конь,
Оборонушка его—шашка вострая.
Изъ вострой онѣ шашечки огонечекъ воскры-
валъ,

*) «Воровенный»—пеньковый.

Огонечекъ воскривалъ, ковыль-травоньку рвалъ.
Ковыль-травоньку рвалъ, на огонечекъ ее клалъ;
Клалъ онъ, пораскладывалъ, свои раны казакъ
перевязывалъ, приговаривалъ:

„Ужъ вы, раны мои, раны растяжелыя мои!
Тяжелымъ вы тяжелы, — къ ретиву сердцу
пришли,

Къ ретиву сердцу пришли, алой кровью изошли.“
Передъ смертью казакъ сталъ коню наказывать:
„Ужъ ты, разворонный мой конь! Оборви-ка ты
шелковъ чумбурикъ,
Оборви-ка шелковъ чумбурикъ, сломай-ка ду-
бовъ приколь.

Ты не слушай, конь, гдѣ шумъ шумитъ,
И не гляди, гдѣ вода-то бѣжитъ,
Ты бѣги-ка конь, по дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль, къ намъ на тихій слав-
ный Донъ,
Къ намъ на тихій славный Донъ, гдѣ живетъ
мой батюшка родной.

Ты ударь-ка, конь, во воротечки;
Къ тебѣ выйдетъ старый стариченочекъ, родный
батюшка мой,
Тутъ еще-то выйдетъ стара старушеночка, родна
матушка моя,
Тутъ еще-то выйдетъ молодая вдова, хозяйошка
твоя,

Какъ возьметъ-то тебя за шелковъ чумбурчикъ,
Поведетъ-то тебя во конюшенку,
Какъ привяжетъ тебя ко дубовому столбу,
Ко дубовому столбу, ко серебряну кольцу;
Какъ станетъ она тебя выпрашивать:
«Ты скажи-ка мнѣ, конь, гдѣ хозяинъ твой?»
Ты скажи-ка ей, товарищъ мой,
Что хозяинъ мой за Кубанью за рѣкой,
За Кубанью за рѣкой, онъ женился на другой;
Какъ женила его—свинцова пуля,

Благословляла его—пика острая,
Какъ вѣнчала-то его—шашка вострая,
Какъ жена-то его—гробова доска,
Какъ мать-то его—сыра земля.“

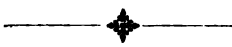
Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ.

Е. Какъ на моречкѣ
 На Хвалынскомъ
Лебедь съ орлюшкой
 Тамъ купались;
Купались они,
 Возмывались.
Лебедь орлюшку
 Сталь выпрашивать:
„Не бываль ли орель,
 На моей сторонѣ?
Не слыхаль ли, орель,
 О моей головѣ?
Не тужать ли, только
 Отець съ матерью обо мнѣ?“
«Тужать, плачуть они,
 Сокрушаются,
Со службы царской сына
 Дожидаются.»—
За Уралушкой
 Огонекъ горить;
У того-то огня
 Быль разставленъ шатерьъ;
Какъ во этомъ во шатрѣ
 Быль разостланъ коверъ;
Какъ на этомъ на коврѣ
 Молодой казакъ лежалъ;

Въ головахъ у него лежитъ
Расчеркесское сѣдло,
А въ ногахъ стоитъ,
Разворонный добрый конь.

Ст. Гирьядская, 1899 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ.

E₂.

Какъ на морѣ, морѣ синіемъ
Орель съ лебедемъ купалися.
У орла лебедь сталъ выпрашивать:
„Ужъ ты, орликъ, младъ сизой орель!
Гдѣ бывалъ ты, гдѣ полетывалъ?
Не бывалъ-ли на моей сторонѣ?
Не слыхалъ ли о моей головѣ?
Не тужать ли отецъ, мать обо мнѣ?—
«Тужать, плачутъ, сокрушаются,
Сына въ гости дожидаются
Изъ похода, изъ дикой степи.»
Во дикой степи огонекъ горитъ,
Огонекъ горитъ малъ-малешенекъ,
Дымокъ валитъ бѣль-густешенекъ...

Записана подпесауломъ М. Т. Лобановымъ.

E₃.

Какъ на моречкѣ, на синемъ морѣ,
Орель съ лебедью тамъ купалися.
Какъ орла-то лебедь сталъ выпрашивать:
„Ужъ ты, батюшка-сизой орель,

Не бываль-ли ты на моей сторонѣ?
Не слыхаль-ли ты о мой головѣ?
Что не тужать-ли отецъ мать обо мнѣ?
Не печалится ли молода жена?“
— «При долинушкѣ при широкой
Огонекъ горить: жена кашу варить,
Мужа въ гости ждетъ, дожидается.»

Ст. Нижнеуельская, Сосновскій поселокъ, 1902 г., казаки
братя Романъ и Филиппъ Тутаевы; ст. Миасская, 1902 г., урядникъ
Михаилъ Соколовъ; записаль сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Е₄. Сине моречко колыхается:
Орель съ лебедемъ тамъ купаются.
„Ужъ ты, батюшка-младъ сизой орель!
Не бываль ли ты на моей сторонѣ?
Не слыхаль ли ты объ моей головѣ?
Что не тужать ли, не плачуть отецъ и мать
обо мнѣ?“
— «Они тужать, плачуть, сокрушаются,
Изъ похода сына дожидаются.»

Ст. Гирьяльская, 1903 г., нестр. стар. разр. (писарь) Иванъ
Вишняковъ.

Е₅. Аральско моречко, море всколыбалося:
Орель съ лебедемъ тамъ купалися.
У орла-то лебедь, лебедь все пытается:
„Гей ты, батюшка, батюшка сизой орель!
Не бываль ли ты, орель, на моей сторонѣ?“

Что не тужать ли отецъ мать обо мнѣ?“
— «Они тужать, они сокрушаются,
Изъ походичку сына дожидаются,
Изъ походу его — изъ дикой степи.» —
Во дикой-то степи огонечекъ горитъ;
У огня стоитъ, стоитъ бѣлый шатричекъ,
Подъ шатричкомъ лежитъ добрый молодець.

Записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичу-
гинымъ.

Ж.

Что не снѣжки ли въ полѣ
Завиднѣлся,
Не бѣлы шатрики
Забѣлѣлся.
Какъ во тѣхъ во шатрикахъ —
Три стола дубовые;
Какъ на тѣхъ на столикахъ —
Три чернильницы,
Три чернильницы,
Чернильницы золотыя;
Какъ во тѣхъ во чернильницахъ —
Три перышка,
Три перышка
Бѣлы лебединыя.
Какъ во тѣхъ-то во шатрикахъ
Огонекъ горитъ,
Огонекъ тоненькій,
Какъ дымокъ густенькій;
Какъ подъ тѣмъ-то дымкомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Не убитъ онъ лежитъ,
Не зарѣзанный,

А вострой шашкою
Изрубленный.
Какъ прилетали къ тѣлу
Три ласточки, три касаточки:
Какъ первая ласточка плакала,
Какъ рѣка вешняя;
Какъ вторая ласточка плакала,
Какъ ручей вешній;
Какъ третья ласточка плакала,
Какъ роса утренняя.
Первая ласточка была
Родна маменька,
Вторая ласточка—
Родная сестрица,
А третья—
Молодая жена.
Солнышко взойдетъ,
Роса высохнетъ.

Ст. Буранная, 1901 г., казакъ Исаакъ Петрищевъ.

3.

На зарѣ было на зоренькѣ,
На восходѣ было солнца краснаго;
Соколъ съ орликомъ, они солетались,
Соколъ съ орликомъ, они здоровлялися.
Соколъ у орлика сталъ спрашивать:
„Ты скажи-ка скажи, младъ сизой орелъ!
Ты летать, орелъ, по чужимъ краямъ,
Не видалъ ли чѣмъ турецкое поле украшено?
Все буграми—поле все долинами,
Все казацкими, поле, могилами?

Во могилѣ стоитъ кипарисный гробъ;
Во гробу лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое млада донского казака,
Не убитый казакъ, не зарѣзанный,
Турешкой пулею застрѣленный.
На головѣ у него лежитъ золотой вѣнецъ;
На вѣнцѣ сидитъ младъ сизой орель,
Онъ клюсть ола ясны глазоньки,
Онъ щиплетъ его черны кудерюшки.»

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

◆

И. Черный воронъ, храбрый воинъ,
Что ты вѣшься надо мной?
Ты не вейся надо мной,
Надъ мою голову;
Ты добычи не добьешься:
Черный воронъ, я не твой!
Для чего ты расправляешь
Остры когти надо мной?
Ты добычу ожидаешь,
Черный воронъ, я не твой!
Ты присядь на кустъ зеленый,
Черный воронъ молодой!
Отдохни на часъ покойно,
Поспѣши ко мнѣ домой;
Ты скажи женѣ любимой,
Я женился на другой.

Ст. Разсыпная, 1900 г., ветер. фельдшеръ Семень Пановъ.

◆

И. **Ч**то-жъ ты, воронъ, что-жъ ты черный,
Что-жъ ты вьшся надо мной?
Знать добычи воронъ не добышся:
Черный воронъ, я не твой!
Взялъ невѣсту себѣ тиху, скромну,
Въ чистомъ полѣ подъ кустомъ:
Пуля быстра, сабля востра;
Бѣла грудь моя разбита
Отъ ударовъ пулевыхъ;
Ала кровь моя струится
Отъ смертельныхъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я эти раны
Подареннымъ мнѣ платкомъ...
Лети воронъ на мою сторонку,
Снеси матери поклонъ;
Ты скажи женѣ любимой:
Я женился на другой.
Уложили молодца;
На чужой пришлось на сторонкѣ
Помирать мнѣ одному!...

(„100 тысячъ“ стр. 49).

И. **Ч**ерный воронъ!
Что ты вьшся надо мной,
Надъ мою голову?
Ты добычи не дождешься:
Черный воронъ, я не твой!
Бѣла грудь моя томится
Отъ жестокихъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я эти раны
Подареннымъ мнѣ платкомъ,
Отошлю платокъ кровавый

Къ милой женушкѣ своей.
Посмотри на кустъ зеленый,
Отдохни спокойно:
Черный воронъ, я не твой!
Лети, воронъ, на мою сторону;
Ты скажи женѣ молодой:
Я женился на другой;
У насъ сваха—остра шашечка,
Повѣнчалъ насъ пистолетъ,
Въ поѣзду-то—пуля свинцовая.

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева;
записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

И.

Ты не вейся, черный воронъ,
Надъ мою головой:
Ты добычи не добьешься,—
Черный воронъ, я не твой!
Бѣла грудь моя только теперь томится
Отъ жестокихъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я свои раны
Подареннымъ мнѣ бѣлымъ платкомъ;
Полетай-ка ты только, черный воронъ,
На родиму сторону.
Ты скажи-ка, черный воронъ,
Моей матушкѣ поклонъ.
Ты отдай-ка письмо
Отъ сына своего,
Чтобы она по мнѣ не тужила
И сердца своего не крушила.
Здѣсь сосватала меня шашка востра,

Обвѣчала меня свинцова пуля,
Принимала меня мать-сыра земля,
Обнимала гробова доска.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Василій Чагригъ.

I. Знаю, воронъ, твой обычай:
Ты сейчасъ отъ мертвыхъ тѣль,
Ты съ кровавою добычей
Къ намъ въ деревню прилетѣль,
Ты леталъ много по свѣту
И кружилъ надъ мертвецомъ.
За горами есть тамъ мѣсто,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой.
Бой кровавый, ширь богатый,
Будешь помнить цѣлый вѣкъ!
Ты спокинь-ка руку эту,
Руку бѣлую съ кольцомъ:
Ты спохитилъ руку эту,
Руку бѣлую съ кольцомъ.

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Осдоровъ.

К. Подъ ракиновымъ кустомъ
Казакъ голову склонилъ, (2 р.)
Турокъ шапку обнажилъ.
Покатилась съ плечъ головка,
Она на землю долой,
Полилася кровь горяча

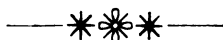
На желтой, мелкій песокъ.
Какъ надъ этой головой
Вьется черный воронъ.
Ты не вейся, черный воронъ,
Надъ мою головой:
Не добышься ты добычи;
Черный воронъ, я не твой!
Ты лети-ка, черный воронъ,
Къ отцу, къ матери къ мосй.
Ты скажи же, черный воронъ,—
Не убить въ полъ лежу,
Ты скажи-же, черный воронъ,
Что засватанный хожу:
Засватала молодца
Чужа дальняя сторона,
Чужа дальняя сторонка,
Шашка острая стальна, (2 р.)
Пуля рѣзва свинцова.

Ст. Усть-Уйская, 1901 г., урядникъ Тимофей Кузьмичъ Ша-
минъ; записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Л. **И**зь-за горъ то было да горъ высокинхъ,
Изь-за лѣсику, лѣсу темнаго,
Выкатался тутъ бѣль-горючъ камень,
Выкатался онъ, весь разсыпался
По мелку зерну все по макову,
По стени, стени, по Тургай—рѣкѣ.
Возмогался тутъ добрый молодець,
Онъ своимъ друзьямъ все наказывалъ:
„Вы, друзья, братцы, все товарищи,
Старопрежніе, вы, пріятели!
Понесетъ васъ Богъ на Святую Русь,

На Святую Русь, въ свою сторону,
Вы скажите-ка отцу съ матерью
Разнижкой поклонъ до сырой земли,
Молодой-то женѣ все почтеньице.“

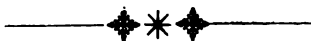
Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

М.

Послѣ битвы за Дунаемъ,
Въ басурманской сторонѣ,
Умирая послѣ боя,
Воинъ слово молвилъ мнѣ:
„Отнеси, братъ, въ край родимый,
Послѣ моихъ похоронъ,
Челобитьице родимой
И родимому поклонъ,
А женѣ своя ей воля
Стать другой разъ подъ вѣнецъ;
Видно, братъ, моя не доля,
И женѣ не мужъ мертвецъ.
Вѣсть снеси вдовѣ такую,
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ свѣкую
Я подъ крышей вѣковой:
Что за нею на погостѣ
Взялъ я каменный накатъ,
Пуля сватала, а гости
Были пушки да булатъ.“

Записаль въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подлѣсаул. Л. Г.
Чернявскій.

Н.

Вѣтеръ по полю шумить,
Весь казакъ въ крови лежитъ,
На курганъ головой,
Подъ осокою рѣчной;
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орель въ ногахъ...
„Ахъ, орель, орель степной,
Побратася съ тобой:
Ты начнешь меня терзать
И глаза мои клевать!
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей.
Чуть начнетъ она пытаться,
Знай о чемъ ей отвѣчать:
Ты скажи, что вражій ханъ
Полонилъ меня въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ
И могилой наградилъ!
Съ сыномъ ей уже не жить
И волосъ ему не мыть:
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжметъ до суха морозъ,
И расчешетъ ихъ бурьянъ,
И раскудритъ ураганъ.
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой
Да посѣй, да поджидай,
Да слезами поливай,
И когда посѣвъ взойдетъ,
Сынъ на родину придетъ!“

Ст. Оренбургская, 1902 г., сожникъ Г. Н. Качалинъ

— * —

0. Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,
Свой Уралъ онъ навѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ родительскій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ:
Все ждетъ, поджидаетъ съ далекаго края,
Когда къ ней казакъ прилетитъ.
А тамъ за горами, гдѣ вьюги, мятели,
Гдѣ страшны морозы трещать,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Тамъ кости казака лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ,
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ!
Пусть вольныя пташки, садясь на калину,
Порой прошебечутъ онѣ
Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
О милой родной сторонѣ!

Ст. Кардаиловская, 1900 г., бомбардиръ-лаборатористъ Романъ Тарасенковъ; ст. Гирьяльская, 1901 г., нестр. стар. разр., Иванъ Вишняковъ; записана также въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подесаудомъ Л. Г. Чернявскимъ; ст. Миасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Казакъ
раненъ
въ бою.

А. Во дикой-то степи, тамъ пролегла большая дороженька,
Ширинной она не широкая,
Долиной-то дороженька конца краю нѣтъ.
Какъ никто-то по ней, по дороженькѣ,

Никто не прохаживаль,
Никто слѣдика по ней не прокладываль,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки.
Позади-то бѣжитъ сивый рѣзвый конь;
Какъ сѣдельце на немъ черкесское на бокъ
сбилося,
Потнички-то поярчатые они всѣ повыбились.
За конемъ-то бѣжитъ раздушечка—добрый мо-
лодецъ,
Добрый молодецъ, удалой-то казакъ.
Онъ бѣжитъ-то бѣжитъ, голосомъ-то кричитъ,
Голосомъ-то кричитъ, самъ рукой машеть:
„Вы, товарищи, вы, мои станичники,
Не спокните меня, добра молодца, во дикой
степи,
Во дикой степи, въ азіатской сторонѣ!“

Ст. Разсыпная, 1902 г., нестр стар. разр. Гавриль Гурѣвъ и казакъ Никифоръ Секретевъ.

◆

А₂. Во дикой-то степи пролегывала большая
дороженька,
Шириной-то она не широкая,
Долиной-то она конца-краю нѣтъ.
Какъ никто-то по ней не прохаживаль,
Никто слѣдику по ней не прокладываль,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки.
Позади-то бѣжитъ сивый рѣзвый конь;
Какъ сѣдельце на немъ черкесское на бокъ
сбилося,
Потнички-то бѣлы поярчаты они всѣ повыбились,
Какъ стременушки его булатныя они по копы-
тамъ бьютъ,

Какъ уздечку свою тесьмяненькую на ушкѣ
пронесь.
За конемъ-то бѣжить раздушечка, добрый мо-
лодецъ,
Добрый молодецъ, удалой-то казакъ;
Онъ бѣжить-то бѣжить, раздушечка, самъ ру-
кой машеть,
Онъ рукой-то машеть, голосомъ кричить:
„Ужъ вы братцы мои, вы, станичники!
Не споконьте меня во дикой степи,
Во дикой-то степи, въ азіатской сторонѣ.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. стар. разр. Гавриилъ Гурѣвъ и казакъ Никифоръ Секретевъ.

Бг. Не былиночка во чистомъ полечкѣ, въ по-
лѣ зашаталася—
Зашатался да онъ загулялся удалъ добрый мо-
лодецъ,
Въ одной-то онъ тоненькой, аленькой во руба-
шечкѣ,
Во другой-то въ черкесочкѣ.
У черкесочки полы призатыканы,
У черкесочки все рукавчики были призасучены,
Басурманскою кровью призабрызганы.—
Какъ увидѣла его родна матушка изъ того те-
рема високаго.
«Ты дитя ли мос, дитя, чадо милос!
Ты зачѣмъ, на что пьяный напиваешься, по
черной грязи валяешься?»
— „Я не самъ-то собой напиваюся, по черной
грязи валяюся,—

Напоилъ-то меня пружкой король
Тремя пойлами, тремя разными:
Какъ первое пойлушко—свинцова пуля,
Какъ второе пойлушко—копье булатное,
Какъ третье пойлушко—шашка вострая.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ.

Б. Не былиночка во чистомъ полѣ зашата-
лася—
Зашатался же, загулялся же удалъ добрый мо-
лодецъ
Въ одной тоненькой коленкоровой бѣленькой
рубашечкѣ
Да во красенькой онъ во своей во черкесочкѣ.
У черкесочки назадъ полушки были призаты-
каны,
Басурманскою кровью алою они призабрызганы.
Увидала его родимая матушка изъ високаго те-
рема:
„Ты, дитя ли мое, мое дитятко, дитя мое-милое!
Ты зачѣмъ, на что, мое дитятко, пьяно напи-
ваешься,
По черной-то грязи, мое дитятко, ты валяешься?“
—«О ты, мать ли моя, матушка, матушка ро-
димая!
Я не самъ-го собой, моя матушка, пьяно на-
пивался:
Напоилъ-то меня, моя матушка, прусской король,
Напоилъ-то меня тремя пойлами, всѣми тремя
разными:
Какъ и первое его пойлице—свинцова пуля,

Какъ второе его пойлине—пика острая,
Какъ и третье его пойлице—шайка острая,
Шашка острая, отпущеная.
Для меня-то, добраго молодца, эти пойлица при-
готовлены, насычены,*)
Эти пойлица были для меня разныя,
Къ ретиву-то сердцу были больныя.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Вз. „Ты, Василій, ты, Василій, Васильюшка сынъ
Федоровичъ!
Ты зачѣмъ-то, на что пьяный напиваешься?
По черной ты грязи, сыночекъ, валяешься?“
—«Я не самъ собой напиваюся, родна мамонька:
Напоилъ-то меня младъ прущкой король.»
Увидала его мамонька родимая
Изъ того ли терема, терема високаго,
Изъ того ли окна изъ хрустальнаго.
„Ты, дите ли мое, дитятко!
Ты зачѣмъ, на что пьяный напиваешься?
По черной-то грязи валяешься?“
—«Я не самъ-то собой напиваюся, родна ма-
монька,
По черной грязи валяюся:
Напоилъ-то меня прущкой король,
Напоилъ-то онъ меня тремя пойлушками, тремя
разными:
Какъ первое пойлушко—пуля быстрая,

*) „Насычены“—насыщены.

Какъ второе пойлушко—пика прущая,
Какъ третье пойлушко—шашка вострая.»

Ст. Разсыпная, 1902 г., нестр. стар. разр. Гавриль Гурьевъ.

Азіатскій
пльнь. А₁.

Изь Крыму было, изъ Нагаю,
Изь той-то орды, орды изъ поганой,
Выбѣгалъ-то молодой невольничекъ онъ изъ не-
воли.
Подбѣгаетъ же молодой невольничекъ къ рѣчкѣ
ко Дунаю.
Какъ на ту-то пору, на то времечко Дунай
становился,
Онъ тоненькимъ ледочкомъ Дунай сомкался,
Онъ осеннимъ мелкимъ дождичкомъ Дунай раз-
мокался.
Не нашель, не нашель молодой невольничекъ
себѣ переходу,
Онъ пошелъ-то, пошелъ, молодой невольничекъ,
внизъ по Дунаю,
Онъ нашель-то, нашель пашню яровую....

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А₂. Какъ изъ Крыма было, изъ орденушки,
Орды изъ поганой,
Выбѣгаетъ молодой невольничекъ
къ рѣченькѣ Дунаю.
Какъ на ту пору, на то времечко
Дунай становился,

Онъ осеннимъ тоненькимъ ледочкомъ
Дунай сомыкался,
Онъ крещенскими морозами
Дунай укрѣплялся,
Онъ бѣленькимъ, тоненькимъ снѣжочкомъ
Дунай покрывался.
Что пошелъ-то, пошелъ молодой неволь-
ничекъ
Внизъ по Дунаю,
Онъ нашелъ-то, нашелъ младъ невольни-
чекъ
Пашню яровую;
Не сохами эта пашенка,
Она пахана:
Она пахана молодымъ невольничкомъ,
Горючьми слезами.

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

Аз. Какъ изъ Крыму, изъ Нагаю, изъ той ли
орды изъ поганой
Выбѣгаетъ молодой невольничекъ изъ неволи.
Подбѣгаетъ молодець къ рѣчкѣ ко Дунаю,
Какъ у этой Дунай-рѣчки переходу нѣтъ.
Какъ становится молодець на крутъ бережочекъ;
Остановившись, онъ залился, заплакалъ,
Свою сторону родимую вспомянулъ:
„Страна ли, ты моя сторонушка, страна ро-
димая!
Еще знать-то, мнѣ, молодцу,
На тебѣ, сторонушка, не быть-не бывати,
Со своимъ-то родомъ-племенемъ не видаться.“

Какъ на ту-то пору, на то времечко Дунай ста-
новился,
Ужъ онъ синенькимъ ледочкомъ смыкался,
Бѣлою порошицею покрывался.
Какъ пошелъ, побѣжалъ молодой невольни-
чекъ внизъ по Дунаю,
Нахаживалъ онъ тамъ пашенку яровую;
Призапахана эта пашенка не сохами, и не боро-
нами,
Призасѣяна была невскожими сѣменами—
Призапахана конскими копытами,
Призасѣяна казачьими буйными головами.

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ
казака Степана Давыдова, донца *).

А4. Какъ бѣжать-то, бѣжалъ
Молодой невольникъ,
Бѣжалъ-то онъ
Изъ неволи,
Какъ изъ той-то орды
Изъ далекой.
Прибѣжалъ-то молодой невольникъ
Къ рѣченькѣ онъ Дунаю.
На ту пору, на то время
Дунай становился,
Какъ онъ тоненькимъ ледкомъ
Сверху затягался
И бѣленькимъ снѣжкомъ пушистымъ
Покрывался.

*) Изъ донцовъ, переселенныхъ по Высочайшему указу 12 июля
1795 года.

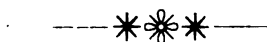
Не нашель-то молодой невольникъ
Себѣ переправы,
Переправы и переходу,
Онъ мелкаго броду.
Становился же молодой невольникъ
На крутенькій бережочекъ,
На крутенькій бережочекъ,
На сыпучій песочекъ.
Какъ ставши на песочекъ,
Онъ горько заплакалъ:
„Сторона-ль, ты, моя сторонушка,
Сторона милая!
Видно мнѣ, сторонушка,
На тебѣ не бывать,
На тебѣ не бывать,
Отца, мать не видать.“

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Крыловъ.

А, вы, туманушки ли, туманушки мои!
Не подняться вамъ, туманушки, отъ синя моря
къ облакамъ—
Не отогнать мнѣ печаль-кручинушку отъ сер-
дечушка своего.
Мнѣ вечеръ-то, ночесь, добру молодцу,
Мнѣ малымъ мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я-то лежу во дикой степи одинъ,
Сквозь ребрышковъ моихъ и суставчиковъ му-
рава-трава проросла,
Сквозь ретиваго сердечушка алый цвѣтокъ рас-
цвѣлъ,
На буйной-то на моей головушкѣ пташка гнѣз-
дышко свила.

Не за долгое было времечко, во несчастнице
я попалъ,
Въ такое-то во несчастнице: къ неприятелю по-
палъ въ плѣнъ,
Ко тому ли неприятелю—въ некрещеную орду,
Избиралъ я такіе случаи, какъ избавиться отъ
злыхъ рукъ.
На утренней на зоренькѣ всѣ послули крѣп-
кимъ сномъ.
Ушель-то, бѣжалъ младъ невольничекъ изъ
киргизскихъ злыхъ рукъ;
Прибѣгалъ младъ невольничекъ ко Уралу, быст-
рой рѣкѣ.
На ту пору Ураль-рѣка становилася,
Тоненькимъ ледочкомъ затягалася,
Бѣленькимъ снѣжочкомъ покрывалася.
Младъ невольничекъ на ледочекъ становился,
Подъ нимъ тоненькій ледочекъ подломился.
На восходъ младъ невольничекъ возмолился,
Черезъ воду перейти рѣшился;
Такъ изъ неволюшки освободился.

Записана въ 1890 году войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст.
Верхнеозерной отъ казака Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ.

Б. **О**тецъ съ сыномъ на сѣнокось пошли,
А млада доченька имъ ѣсть понесла
„Ужъ ты, доченька, поди, поверши намъ зеленъ
стогъ.“

Вершила она зеленъ стогъ;
Вдругъ дочка призадумалася.
— «Что это, батюшка, въ полѣ затуманилось,
Затуманилось въ полѣ, запылелось?»

Все людей везуть скованныхъ и связанныхъ,
Связанныхъ все арканами волосяными.“

— „Ужъ ты, доченька, слазь-ка съ зелена стога,
Пойдемъ спрячемся въ зеленъ камышъ.“

— «Ужъ я, батюшка, пересмотрю, все повыгляжу,
Что это за людей везуть?»

А отецъ съ сыномъ въ камышъ ушли.

Въ это время подбѣгалъ къ ней младъ татаринъ,
Говорилъ онъ красной дѣвушкѣ:

„Ужъ ты, дѣвушка, слазь-ка съ зелена стога!“

Бросалась дѣвушка на всѣ четыре сторонушки,

Опускала она свои ясны очи на сыру землю,

Опускала она руки на бѣлую грудь.

Ужъ давалъ же ей молодой татаринъ кроваву
рану.

И снималъ ее съ зелена стога,

Саживалъ ее на своего добра коня,

На добра коня на иноходнаго,

Повезъ ее во свою землюшку азіатскую;

— „Ужъ ты будь же, дѣвушка, мнѣ хозяйюшкой,

А я тебѣ, дѣвушка, хозяиномъ.“

Отдавалъ же онъ съ себя шелковый поясъ,

Отдавалъ ей свои золоты ключи

И препоручалъ ей свое хозяйство.

— „Ужъ ты, дѣвушка, моя хозяйюшка,

Ходи-ка ты въ мои любимы погребя.“

Не задолго, не закоротко угождала къ нимъ
въ полонъ

Ея родимая мила матушка.

Сажала она ее ногами дитя качать,

Руками же—куделю прясть,

Глазами же велѣла гусей пасти.

Дитя качая, говоритъ родима матушка:

Ужъ ты по-русскому—младъ казачій сынъ,

А по татарскому—киргизеночекъ:

Ужъ твой батюшка—мой зятюшка,

А твоя-то мать—мнѣ родимая дочь,
А самъ же ты мнѣ—внученочекъ.“
Говорила тутъ дочь таковы слова:
«Ужъ ты, маменька, ты, моя родна!
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не заставила бѣ тебя дитя качать,
Не заставила бѣ тебя куделю прясть
И не заставила бѣ тебя гусей пасти.»
Тутъ сажала она ее за дубовый столъ,
Становила передъ ней яства сахарныя,
Горючьми слезьми заливалась.
Стала матушка уговаривать дочку:
„Пойдемъ-ка, доченька, убѣжимъ домой.“
Говорить ей дочка таковы слова:
«Нѣтъ, матушка, обзавелась я малыми дѣтками,—
Жаль мнѣ оставить ихъ.»
—„Ужъ ты, мила моя доченька!
Если жаль тебѣ дѣтушекъ, оставайся здѣсь,
А меня, родну маменьку, отпустите вы на ро-
дину.»
Побѣжала дочь къ своему мужу, хану киргиз-
скому,
Разказала ему о своей матери.
Приходилъ же самъ ханъ киргицкій;
Онъ дарилъ ее золотой казной,
И сажалъ на добра коня,
На добра коня иноходнаго
Провожалъ ее въ свою землю, на родину.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., восьмидесятилѣтняя казачка, поже-
лавшая изъ болзни грѣха остаться неизвѣстной; записана ветер-
фельдшеромъ Георгіемъ Киселевымъ.

А я слѣзу къ вамъ,
а я слѣзу къ вамъ.“
Какъ слѣзала же красна дѣвица,
красна дѣвица,
Съ того ли стога несвершенаго,
несвершенаго.
Посадили же се красну дѣвицу,
красну дѣвицу,
Красну дѣвицу на добра коня,
на добра коня,
На добра коня позади сѣдла,
позади сѣдла.
Повезли ее красну дѣвицу ко себѣ въ ауль,
ко себѣ въ ауль.
Привезли ее красну дѣвицу къ своему хану,
къ своему хану.
Начали дѣлать ее по своимъ рукамъ,
по своимъ рукамъ.
Доставалась красна дѣвица самому хану,
самому хану.
Они годъ жили, они два жили,
они два жили,
И на третьемъ году дитя прижили,
дитя прижили.
Какъ сказалъ-то ханъ своему киргизину,
своему киргизину:
„Ты поѣзжай, поѣзжай во дикую степь,
во дикую степь.
Ты найди, найди нянюшку,
найди нянюшку.“
Какъ побѣжалъ же злой киргизушка,
злой киргизушка,
И нашелъ же онъ русску бабушку,
русску бабушку.
Какъ привезъ ее ко себѣ въ ауль
ко себѣ въ ауль.
Какъ качала она, приговаривала
приговаривала:
«Ты, качу, баю, мое дитятко,
мое дитятко;

Ты по матушкѣ—крови русской,
 крови русской,
А по батюшкѣ—крови басурманской,
 крови басурманской.»
Какъ за дверью дочь подслушала,
 дочь подслушала.
Растворяла же она двери киргизскія,
 двери киргизскія;
Выходила она къ родной матери,
 къ родной матери,
И кидалась она на шею матери,
 на шею матери:
„Ты родимая, родна маменька,
 родна маменька,
Ты не знала гдѣ твоя доченька,
 твоя доченька.“
Какъ сказала же княгиня самому хану,
 самому хану:
„Отвезите родну мою маменьку на свою сторо-
 нушку,
на свою сторонушку »
Назначаетъ же злой ханушка своего киргизушку,
 своего киргизушку
Отвезти ея родну маменьку на свою сторонушку,
 на свою сторонушку.
— „Ты прости, прощай, моя маменька,
 моя маменька,
Ты дай мнѣ свое благословеньице на вѣки не-
 рушимое,
на вѣки нерушимое.“
И наградилъ же ханъ свою тещу златомъ-се-
 ребромъ,
златомъ-серебромъ.
Отвезъ же злой киргизушка се на свою сто-
 ронушку,
на свою сторонушку.
Пустилъ же онъ се на свои рѣзвы ноженъки,
 на свои рѣзвы ноженъки.

Какъ пришла же родна маменька на свою род-
ну сторонушку
на свою родну сторонушку,
Какъ и стала же она объяснять о своей род-
ной доченькѣ,
о своей родной доченькѣ,
О своей родной доченькѣ родному батюшкѣ,
родному батюшкѣ,
Какъ живетъ она во ордѣ киргизской,
во ордѣ киргизской,
Нажила она родныхъ дѣтушекъ,
родныхъ дѣтушекъ,
Какъ по матушкѣ они—крови русской,
крови русской,
А по батюшкѣ—крови киргизской,
крови киргизской,
Какъ посмотрѣлась я на жизнь доченьки,
на жизнь доченьки,
Какъ поить, кормить она своихъ дѣтушекъ,
своихъ дѣтушекъ.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., урядникъ Василій Чагринъ.

— * —

Б₃. Какъ за батюшкой, за Яикушкомъ,
Огонекъ горитъ, огонь маленькій,
А дымокъ-то идетъ, дымокъ тоненькій.
Какъ вокругъ-то огня злы киргизушки,
И дѣлятъ-то они все русскій плѣнь....
Кому-то чего доставалось:
Доставалась теща зятюшкѣ,
Теща зятюшкѣ, злу киргизушкѣ;
Онъ и взялъ-то тещу за праву руку,
Посадилъ-то ее на добра коня;

Онъ повезь-то ее въ большой ауль,
Въ большой-то ауль, къ молодой ханшѣ.
«Молодая ханша!» встрѣчай меня:
«Я везу тебѣ работницу,
Работницу, русску плѣнничку.
Ты заставь-ка ее три дѣла дѣлать:
Перво дѣльце—барановъ пасти,
Друго дѣльце—кудель прясти,
А и третье дѣльце—дитя качать.»
„Ты качу-баю, мое дитятко!
Ты по батюшкѣ киргизеночекъ,
А по матушкѣ мнѣ внученочекъ:
Твоя матушка—моя доченька.“
Молодая ханша все выслушивала
И входила къ ней во кибиточку;
Она бросилась къ ней на шеюшку.
—«Ты родная, моя матушка!
Ты давно бы мнѣ сказалася,
Ты давно бы мнѣ объяснилася.
Ты пойдѣмъ-ка, пойдѣмъ во большой косякъ;
Осѣдлаемъ коня сѣдельцемъ бархатнымъ
Со стремечками булатными.
Ты садись-ка, матушка, на добра коня,
Поѣзжай-ка, поѣзжай въ свою сторону,
А мнѣ горькой, знать, такъ Богъ велѣлъ»...

(Стариковъ стр. 228).

В. На зарѣ-то было, на зоренькѣ,
Зарѣ утренней,
На восходѣ было
Краснаго солнышка;
Собиралось тутъ собраніе,
Собранье не малое,

Что не малое собраньице—
Казачій кругъ.
А во кругу-то у нихъ—
Ковры бѣлые,
Ковры бѣлые,
Разошитые;
На коврахъ-то у нихъ, казаченьковъ,
Поставленъ новъ кленовый стулъ;
На стулу-то сидитъ
Полковничекъ,
Передъ нимъ-то стоитъ, передъ полков-
ничкомъ,
Младъ донской казакъ.
Онъ бить-то не бьетъ,
Все выпрашиваетъ,
Изъ ума его, казаченьку,
Все выпытываетъ:
„Ты кому, кому, казаченька,
Кому служишь?“
— «Я служу-то, служу, казаченька,
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому,
Петру Первому.»
— „Ты скажи-ка, скажи,
Казаченька,
Много ли у Царя
Россійскаго
Войска храбраго,
Свинцу-пороха?“
— «Какъ у нашего Царя
Россійскаго
Войска храбраго—
Конца нѣтъ,
Свинцу-пороха—
Счету нѣтъ.»
— „За такую смѣлость,

Казаченька,
Я дарю тебѣ
Волю вѣчную;
Ты поди же поди
Во Россіюшку,
Въ свое войско,
Войско храброе.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Дарья Сошникова.

Поселеніе
на новыхъ
мѣстахъ и
прилиней-
ная
служба.

А₁. Леталь-то, леталь сизый орликъ,
Леталь онъ по край синя моря,
Искаль то, искаль себѣ мѣстечко;
Нашель себѣ мѣстечко: дерево кедровое.
На томъ то деревцѣ сталъ гнѣздо свивать;
Свивши гнѣздо, яиць нанесъ;
Нанесши яиць, сталъ насиживать.
Насидѣвши яиць, сталъ дѣтей выводить;
Вывивши*) дѣтей, на возлетъ пускаль.
„Летайте ужъ, летайте, мои дѣтушки, по край
синя моря!
Вы не бейте ужъ, мои дѣтушки, гусей-лебедевъ,
Бейте гусей—ракутиць!“

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., бомбардиръ Василій Ефимовичъ.
Стрижевъ.

А₂. Не старостью сѣдой орель состарился,
Состарился летаючи;
Разыскивалъ орель удобныхъ мѣсть,
Гдѣ бы свить орлу тепло гнѣздо,
Вывести малыхъ дѣтушекъ.
Нашель-то, нашель сизой орель удобны мѣста
На славной на рѣченькѣ, на Уралушкѣ,
На славныхъ на трехъ дубахъ.

*) Народное выраженіе.

Онъ донышко выкладывалъ серебромъ,
По красшкамъ выкладывалъ крупнымъ жемчу-
гомъ.

Вдругъ несчастьице повстрѣчалось:
Подымалися бури южныя,
Изломали дубья вѣковые.
Такъ лишился сизой орель малыхъ дѣтей

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ Верхнеозерной
станциѣ отъ казака Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ въ 1890 г.

Азъ. Леталь-то, леталь сизой орлюшка, онъ по-
летываль,
Онъ искаль-то, шукаль себѣ мѣстечко угожес;
Онъ нашель-то, нашель себѣ деревцо кедровос.
На томъ-то деревѣ сизой орлюшка, онъ гнѣз-
до свиваль.
Какъ онъ донышко приакладываль чистымъ
серебромъ,
Какъ онъ крашки вымазываль чистымъ золо-
томъ,
Изукрашиваль онъ тепло гнѣздышко мелкимъ
жемчугомъ.
Потомъ-то, сизой орлюшка, онъ яицъ нанесъ;
Нанесши бѣлыхъ яицъ, онъ сталъ насиживать;
Насиживаль три недѣлюшки, на четвертой сталъ
дѣтей выводить;
Выведши, сталъ кормить-понтъ;
Выкормивши, на возлетъ пустиль, сталъ при-
казывать:
„Ужъ вы, дѣти мои, дѣти милыя!
Не покинулъ я васъ, мои дѣтушки, при мла-
дости,
Не покиньте, мои дѣтушки, меня при старости,
при древности.“
У сиза-то орла головушка бѣлымъ бѣла,

А бородушка, какъ ковыль бѣлый.
Порастерхались, поразлетались дѣтушки по
всѣмъ сторонамъ,
Сизого орла оставили ни причемъ при старости
и при древности.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринимъ въ станицѣ Раз-
сыпной.

А. Онъ леталь-то, леталь, сизой орлюшка,
батюшка, состарившись;
У сизого орла бородушка она сѣдымъ-то сѣла,
У сизого орла головушка, ровно лунь, бѣла.
Онъ леталь-то, леталь, сизой орлюшка, по
край моречка, по край синяго;
Онъ искаль-то, шукаль, сизой орлюшка, мѣ-
стечко угожее;
Онъ нашель-то, нашель, сизой орлюшка, себѣ
деревцо кедровое.
Онъ на томъ-то деревѣ, сизой орлюшка, стать
гнѣздо себѣ вить.
Свивши тепло гнѣздышко, стать онъ его изу-
крашивать:
Краюшки у тепла гнѣздышка изукрасилъ чистымъ
серебромъ,
Донышко у тепла гнѣзда изукрасилъ чистымъ
золотомъ.
Изукрасивши тепло гнѣздышко, сизой орлюшка
стать пухъ пускать;
Напустивши бѣлаго пушечку, онъ стать яйца
нести;
Нанесши яичекъ, сизой орлюшка стать ихъ
насиживать;
Насидѣвши яиць, сизой орлюшка стать дѣтей
выводить;

Выведши малыхъ дѣтушекъ, сталъ онъ ихъ по-
ить — кормить;
Выкормивши — выпонвши малыхъ дѣтушекъ,
сталъ онъ ихъ на полеть пускать,
При отлетѣ младыхъ дѣтушекъ, сталъ имъ на-
казы наказывать:
„Ужь вы, дѣти мои, вы, орлятушки,
Не спокиньте вы меня при старости,
При старости, при великой древности, млады
дѣтушки.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

А. Загоралась, занималась заря алая —
Загоралась, занималась степь широкая.
Обгорѣлъ, облетѣлъ младъ сизой орелъ,
Обгорѣли у него крылья крѣпкія;
Упалъ сизой орелъ на сыру землю;
На сырой-то землѣ орелъ все катается,
Своей смерти орелъ дожидается.
Налетѣли на орла карги-вороны,
Надъ сизымъ орломъ онѣ насмѣхались.
„Да ты, Боже мой, Боже, Господь милостивый,
Ты создай-ка, пошли весну красную!
Обрастутъ да заживутъ крылья быстрыя мои;
Я помчусь да полечу по поднебесью,
Заклюю я, зашпилю загуменную каргу.
Ты, ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не бывать тебѣ, ворона, яснымъ соколомъ,
Не летать тебѣ, ворона, по поднебесью,
Не клевать тебѣ, ворона, гусей, бѣлыхъ лебедей.“

Записана подвесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Б₁. Вы, станы ли мои, станочки,
Станы поразорены—
Всѣ друзья ли мои, всѣ товарищи,
Друзья поразосланы,
По пикетамъ друзья, по секретамъ друзья .
Разстановлены.
Не двѣ тучи, не двѣ грозныя
Вмѣстѣ соходились,
Не два орлюшка не два сизыхъ
Вмѣстѣ солетались,
То два брателка, то два родныхъ
Вмѣстѣ соѣзжались.
Какъ большой-то брателка меньшому
Сталъ рѣчь высказывать:
„Ужъ ты, братецъ мой родимый,
Не спокинь меня!
Какъ помру я, родной братецъ,
Ты похорони меня
При ростошкѣ, при дорожкѣ,
На крутой большой горѣ.“

Ст. Богуславская, 1902 г., казакъ Павелъ Бурлуцковъ; ст. Нижнеозерная, 1904 г., бомбардиръ Андрей Болодуричъ; записана также въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подѣсауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б₂. Вы, станы ли, мои станочки,
Станы поразорены,
Всѣ друзья ли, все товарищи,
Друзья поразосланы,
По пикетамъ, по секретамъ друзья
Разстановлены.
Не двѣ тучи, не двѣ грозны

Вмѣстѣ сходилися,
Не два сокола крылатыхъ
Вмѣстѣ солетались,
Не два братца, не два родныхъ
Вмѣстѣ соѣзжались.
Какъ старшой братецъ меньшому
Сталъ рѣчи высказывать:
„Ужъ ты, братецъ мой родной,
Да ты не спокинь меня;
Если помру я, родной братецъ,
А ты схорони меня
При дорожкѣ, на ростошкѣ,
На крутой горѣ.“

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Федоровъ.

В.

Какъ мы встрѣтили врага,
Такъ пошли мы на-ура
И, разбивши, возвратились,
Запѣли пѣсню со слезами:
Божья помощь была съ нами!
Не дай, Боже, намъ погибнуть
И поддаться намъ врагамъ!
Возвратившись же въ станицу,
Мы подумаемъ, какъ быть,
Къ старикамъ мы обратимся,
Усердно будемъ ихъ просить:
Старики—наша защита,
Помогаютъ они намъ;
Хоть мы малые ребята,
Будемъ слушать стариковъ,
Будемъ бить своихъ враговъ.
Мы враговъ не стыдимся,
Прогоняемъ отъ себя,

Наши пики намъ защита,
Не покоримся врагамъ!

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринимъ въ ст. Нижнеозерной.

А.
Смутное
время—
безвремен-
ница.

На дубу было, на дубочкѣ,
Надъ глубокою надъ рѣкою,
Одинокій только думалъ
Ясный соколъ молодой.
Взвился соколъ жесткокрылый,
Соколъ къ морю полетѣлъ.
По утру рано на разсвѣтѣ
Ясный соколъ пролетѣлъ.
По утру рано на разсвѣтѣ
Волны плещутъ въ берегахъ.
По утру рано громъ грохочеть,
Соколъ борется съ волной.
Приказъ отданъ всему войску—
Соколъ въ морѣ потонулъ,
Приказъ отданъ есауламъ
Тѣло сокола прибрать.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., урядникъ Василій Чагринъ.

Б.
Черна ягодка, смородинка,
Ты когда же взошла, когда выросла?
Я весной-то взошла, лѣтомъ выросла,
Осенью цвѣтикъ опать призатоманный;
По три вѣточки въ пучки связана,
Вдоль дороженьки поразбросана
До того ли двора до майорова.
У майорова двора зеленъ садъ стоитъ;

Въ зеленомъ саду бѣль шатеръ стоить;
Какъ во шатрикѣ огонечекъ горить все яснѣ-
шенекъ,
Какъ дымочекъ-то плетъ все густешенекъ;
У огонька-то сидитъ самъ майоръ съ майоршею,
У майора-то ножки скованы,
У майорши-то ручки связаны.
На часахъ стоить молодой казакъ.
Передъ нимъ стоить красна дѣвица,
Красна дѣвица—дочь майорская.
„Ты раскуй, раскуй мово батюшку,
Развяжи ручки моеи матушкѣ,
И пойду за тебя тогда замужъ я.“
— «Не могу я, красна дѣвица,
Расковать, развязать, тебя замужъ взять.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

Б₂ **Ч**ерна ягодка—смородинка,
Зелена-то она призаломана,
По три вѣточки въ пучки связана,
По дороженькѣ поразбросана,
Желтымъ песочкомъ приусыпана,
Добрымъ конемъ приутоптана,
Горючими слезьми приулитая,
До того ли села Шереметьева,
До того ли двора до майорскаго.
У майора на дворѣ бѣль шатеръ стоить.
Какъ во шатрикѣ огонекъ горить,
А вокругъ-то огня самъ майоръ сидитъ,
Самъ майоръ сидитъ со майоршею;
У майора ножки скованы,
У майорши ручки связаны.
На часахъ-то стоить молодой казакъ,

Передъ нимъ—краса дѣвица,
Краса дѣвица, дочь майорская.
Она плачетъ, говоритъ (слезы катятся):
„Ужъ ты батюшка, молодой казакъ!
Ты раскуй-ка, раскуй ноги батюшкѣ,
Развяжи-ка ты руки моей матушкѣ.
Ужъ и на вотъ тебѣ сто рублей;
Если мало тебѣ, возьми тысячу!“
—«Ужъ ты, глупая красна дѣвица,
Неразумная дочь майорская!
Не надо мнѣ твои сто рублей,
Не нужна мнѣ твоя тысяча:
Мнѣ нужна, дорога—служба царская.»

Записана поддесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Бз. **Ч**ерна ягодка—смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла.
Зеленешенька, призатомана,
По пути-дорожкѣ она поразбросана
До того села Шереметьева,
До того двора до майорскаго
Какъ во томъ-то дворѣ бѣлъ шатерь стоитъ,
Какъ во этомъ во шатрикѣ сидитъ молодой
майоръ со майоршей;
У майора ноги скованы,
У майорши руки связаны;
А на часахъ стоитъ молодой казакъ,
Молодой казакъ лѣтъ семнадцати
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица, дочь май-
орская;
Во слезахъ она слезно проситъ казака:
„Ты раскуй, раскуй мово батюшку,

Развяжи, развяжи мою матушку!
Я за батюшку тебѣ дамъ пятьсотъ рублей,
А за матушку всею тысячу.“
Отвѣчаетъ ей казакъ: „Ой еси, красна дѣвица!
Не моя это воля, воля царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.“

Ст. Оренбургская, 1904 г., отставной надворный совѣтникъ
Аванасій Филипповичъ Бѣляевъ 80 лѣтъ; ст. Разсыпная, 1903 г., ка-
закъ Никифоръ Клишинъ 65 лѣтъ.

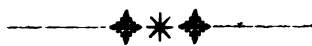
В.

На зарѣ, на зоренькѣ,
Зарѣ утренней,
На восходѣ солнца краснаго
Собиралось тутъ собраньице,
Собраньице не малое,
Все только казачій кругъ.
Во кругу-то стоитъ
Раздушечка—младъ донской казакъ.
Передъ нимъ стоитъ
Молодой хорунжій;
Онъ бить-то, не бьетъ,
Все спрашиваетъ:
„Ты какой такой, казаченька,—
Аль Царевъ сынъ,
Аль Наслѣдникъ?“
—«Я—не Царевъ сынъ,
Не Наслѣдникъ.
А отъ Царя-то я
Посланникъ»....

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Семенова.

В₂. На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Среди торгу-базару, красной площади,
Собиралися казаченьки во единый кругъ.
Во кругу-то стоитъ добрый молодецъ,
Онъ стоитъ-стоитъ, самъ не тряхнется,
И русы-то его кудрюшки не ворохнутся.
Передъ нимъ-то стоитъ воеводушка,
Онъ не бьетъ его, не пытается,—крѣпко спра-
шивасть:
„Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Скажи ты правду—истину,—
Не атаманъ ли ты, разудаленькій, или атаман-
скій сынъ,
Не воевода ли ты, разудаленькій, воеводскій
сынъ,
Не съ иной ли земли ты, разудаленькій, грозень
посольъ?“
Отвѣтъ держаль добрый молодецъ воеводѣ:
«Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,
А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
Распросилъ бы меня батюшка, православный
царь,
Я сказалъ бы ему, батюшкѣ, правду-истину:
Разорилъ ты прежде войско Донское,
А другое войско Оренбургское,
Пріѣхаль ты къ намъ разорять въ городъ,
Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.»

*(Выпускъ 8-ой пѣсенъ Куршевскаго стр. 97, а
имъ взята изъ сборника Сахарова).*

Выступ-
ление въ
походъ.

А. Не сизы-то орлы ко ясному соколу соле-
талися—
Размолоденькіе, братцы, казаченьки ко началь-
ничку соѣзжались;
Какъ сажались казаченьки во единый кругъ,
По одной по чарочкѣ они выпивали
И начальничка своего поздравляли:
„Мы пойдемъ-ка, братцы-казаченьки, въ походъ
скоро!“

Записана подъесаудомъ М. Т. Лобановымъ.

Б. Изъ-за лѣсика, лѣсу было темнаго,
Изъ-за садику было зеленаго
Выходила тамъ армейюшка Царя Бѣлаго, Петра
Перваго,
Выносила царско знамечко раскрашеное, рас-
пущеное.
Напередъ-то идетъ младъ полковничекъ,
Какъ за нимъ идутъ хорунжушки,
За хорунжушками молоды уряднички,
За урядничками молоды казаченьки.
Какъ хорунжушки пашками возбрякнули,
Молоды уряднички пѣсенку возгаркнули,
А молоды казаченьки слезно всплакнули.

Ст. Разсыпная, 1904 г., нестроевой старшаго разряда (писарь)
Гавріиль Гурѣвъ.

Б₂. Изъ-за лѣсу-то было, лѣсику,
Лѣсу темнаго;
Изъ-за садику-то было, садику,
Садику зеленаго;
Изъ-за вишни-то было, вишни,
Вишни кудрявые;
Не два стадушка ясныхъ соколовъ,
Соколовъ вылетывали—
Выходила же тутъ армеюшка,
Она Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Напередъ-то идутъ
Все хорунжечки;
Позади-то ихъ идутъ
Все уряднички;
За урядничками идутъ, добры молодцы—
Все казаченьки;
Во рукахъ-то несутъ царско знамечко
Позлащенное;
Во косыночкѣ царско знамечко
Распущеннос.

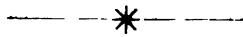
Записана въ 3-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. сотникомъ Д. Е. Пичуги-
нымъ.

В₁. На зарѣ было, все на зоренькѣ;
На восходѣ было солнышка, солнца краснаго;
На просвѣтѣ было свѣтлаго мѣсяца;
Не мѣдна пушечка тутъ возгаркнула—
Артиллерія во походъ пошла,
Во походъ-то пошла въ дальни стороны,
Въ дальни стороны, во персидски слободы.

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. стар. разр. Гурѣевъ.

В. На зарѣ то было у насъ, на зоренькѣ
Ранней утренней,
На восходѣ было солнце красное,
На закатѣ свѣтлый мѣсяцъ;
Что не мѣдная пушка въ полѣ возбрякнула—
Батарейка громко пѣсенки возгар-
кнула:
Во походѣ она пошла въ дальни страны,
Въ пны города.

Ст. Пречистенская, 1903 г., казакъ Алексѣй Чаусовъ.

Г. По горамъ, по доламъ
Леталъ младъ сизой орелъ,
Какъ онъ ѣздилъ, разѣѣжалъ,
Все высматривалъ.
Всѣ казаченьки его
Во строю стоятъ,
Во строю стоятъ они
Развеселые.
Какъ одинъ молодецъ стоялъ
Призадумавшись.
Офицерикъ молодой
Сталъ спрашивать его:
„Али жалко тебѣ, казачекъ,
Родну сторону?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Роду-племени?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Отца съ матерью?“

Али жалко тебѣ, казачекъ,
Молоду жену?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Малыхъ дѣтушекъ?»
Отвѣчалъ казакъ
Правду-истину:
«Нѣтъ мнѣ жалко только
Малыхъ дѣтушекъ:
Милы дѣтушки мои
За пустымъ столомъ сидятъ
И на чужихъ отцовъ глядятъ.»

Ст. Новоорская, 1899 г., урядникъ Михаилъ Федоровъ.

Д. «Ты развейся-ка, сѣренькій дубочекъ,—
Завтра морозъ будетъ.»
—«Я морозичку», сказалъ, «не боюся,
Сей часочекъ разовьюся.»
«Собирайся-ка, казакъ, снаряжайся,—
Завтра тебѣ походъ будетъ.»
—«Я походичку», сказалъ, «не боюся,
Сей часочекъ соберуся.»
—«Собирайся-ка, казакъ, снаряжайся,
Со всѣми съ людьми прощайся.»
—«Вы прощайте-ка, добрые люди,
Можетъ съ вами я ругался;
Вы прощайте-ка, красныя дѣвнцы,
Можетъ съ вами не видаться;
Выстилайте-ка всѣ пути-дорожки,
Чтобы онѣ не пылились;
Вы скажите-ка мамонькѣ родимой,
Чтобы она не грустила;

Чтобы мамонька моя не грустила,
Своего сердца не крушила.»

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ А. Н. Леонтьевъ.

Е.

Ты прощай, не жди меня:
Выѣзжаю на конѣ,
Сабля острая при мнѣ;
Я за мать, за Русь, свою
Перевѣдаюсь въ бою!
Подростаетъ у насъ дочь,
Выдавай за казака,
Пусть для батюшки Царя
Родить въ свѣтъ богатыря!
А подыметъ нашъ сынъ,
Справится и самъ одинъ;
Будетъ онъ казакъ лихой
И, какъ я, поидетъ на бой.

Записана во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. подѣсауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Ж.

Выступимъ, ребята, въ поле!
Полно намъ въ квартирахъ жить:
Хотя волей иль неволей
Намъ велятъ въ походъ итти.
Командира съ нами воля
И его надъ нами власть;
Слушаться—казачья доля,
Знать такая наша часть.
Государь самъ про то знаетъ;
Онъ велитъ понтъ—кормить,

А за службу награждаетъ,
И намъ не о чемъ тужить!

Записана подьесауломъ М. Т. Лобановымъ.

3.

Война.... проснулись станицы,
Забуть смиренный трудъ.
Блеснули радостныя лица....
Съ трудомъ военного похода
Казачи свыклись не страшась.
Нипочемъ имъ холодъ, зной и непогода,
Нипочемъ имъ грозный супостатъ,—
Съ весельемъ—на пиръ кровавый,
Съ одною мыслью впереди:
Иль побѣдить, иль пасть со славою;
Боязни мѣста нѣтъ въ груди.
Казачка мужа провожаетъ....
Молодка плачетъ: горько ей.
Зачѣмъ судьба людми играешь
По воли прихоти своей?
«Не плачь, не мучь себя напрасно»,
Казакъ женѣ своей сказалъ:
«Ты знаешь, какъ люблю я страстно
Тебя: ты жизнь моя и свѣтъ,
Но есть еще любовь иная:
Къ Россіи—родинѣ, Царю;
Сильнѣй всего она святая
Любовью этой я горю.»
—«Прощай, желанный, ненаглядный,
И береги себя», твердитъ:
«А кто останется со мною,
Съ хозяйствомъ нашимъ и семьей,
Когда головкой своей бѣдной

Погибнешь въ схваткѣ боевой?»

— «Не плачь, не мучь себя напрасно»,

Казакъ женѣ своей въ отвѣтъ:

«Когда останешься вдовою,

Тебѣ поможетъ Богъ и Царь.

Пора и въ путь. Прощай, хозяйка!»

Жену къ груди прижалъ;

Прыгнулъ въ сѣдло;

Взвилась нагайка;

Взметнулся конь и поскакалъ.

Ст. Миаская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ); ст. Кундравинская, 1904 г., казакъ Фалдей Кожевниковъ 80 лѣтъ (записана нестр. стар. разр. той же станицы Павломъ Вовиловымъ).

Смерть въ
походѣ. А. 1.

Какъ пошли наши казаченьки во походъ
съ полуночи,

Во походъ съ полуночи, въ первомъ часу ночи,

Не прошедши горы, долы, станомъ становились;

Они станомъ становились, назадъ оглянулись,

Что назадъ-то оглянулись, про домъ вспомянули:

«Остаются наши дома, высоки хоромы,

Развысокія хоромы, разлапушки—жены,

Разлапушки наши жены съ малыми дѣтьми,

Что со малыми дѣтьми, притомъ сиротами.»—

Какъ пришлося казаченькѣ въ полѣ захворати;

Померъ, померъ казаченька въ среду по утру,

Что въ среду по утру, въ самую обѣдню.

«Ужъ мы скажемъ, мы доложимъ свосму ко-
мандиру.

Командирушка прикажетъ: «Выройте могилу;

Ужъ вы выройте могилу, сдѣлайте гробницу;

Вы положьте тѣло бѣло между трехъ дорожекъ:

Между пинтерской, московской, третьей оренбургской.»

Какъ никто къ казаченькѣ, никто къ нему не заѣдетъ;

Заходила залетала горькая кукушка.

Трижды, трижды кукушечка трижды скуковала;

У батюшки, у матушки сердце занывало,

У женушки—молодушки слезы пролилися.

Ст. Оренбургская, 1923 г., казакъ Филиппъ Барбусовъ.

А.

Шли казаченьки походомъ

Изъ горъ во туманы,

Шли-прошли походомъ,

Оглянулись назадъ.

«Остаются наши дома,

Молодые жены,

Остается конь вороный

Со парадной сбруей,

Со парадною со сбруей

Съ тесмяною уздою,

Съ кистью золотою.» —

Вздумать, вздумать казаченькѣ

Съ горя померети.

Померъ, померъ казаченькѣ

Въ середу по утру;

Онъ въ середу по утру,

Въ самую обѣдню,

Онъ въ самую обѣдню

Лежить среди поля.

Мы сдѣлаемъ гробницу

Ему золотую,

Мы выроемъ могилу

Ему глубокую,

Мы выкладемъ могилу
Разными камнями.
Какъ на этой на могилѣ
Выростало дерево;
Это дерево не простое—
Березонька бѣла.
Какъ на этой на березѣ
Кукушка кукуеть,
Не кукушечка кукуеть—
Его мать горюеть:
«Ты вѣдь, сынъ ли мой, сыночекъ,
Ясный соколочекъ!
Ты промолви, сынъ, словечко,
Взвесели сердечко.»
—«Я бы радъ слово сказать,
Уста крѣпко сжаты,
Глазоньки зажаты,
Рученьки прижаты».

Ст. Мясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ
сотникъ Д. Е. Пичугинъ.)

А₃. В
Вотъ пошли наши казаки изъ горъ во ту-
маны,
Что изъ горъ во туманы, во большіе увалы,
Во большіе во увалы, на большу дорогу,
На большую на дорогу, назадъ оглянулись,
Что назадъ-то оглянулись, три слова сказали,
Три словечушка сказали, слезно восплакали:
«Остаются наши дома, дома тесовые,
Остаются наши жены, жены молодья,
Остаются наши дѣтки, дѣтки-малолѣтки,
Остается конь вороной со парадной сбруей,
Со парадною со сбруей, съ тесмяной уздою,
Со тесмяною уздою съ кистью золотою.—

Померъ, померъ нашъ полковникъ въ среду по
утру,
Онъ во среду по утру, въ самую обѣдню.
Ему выкопашъ могилу сму въ три аршина,
Ему выкладемъ могилу бѣлымъ мраморнымъ
камнемъ.
Что на этой на могилѣ выросло деревцо,
Какъ на этомъ тихомъ древѣ кукушка кукуеть,
Не кукушечка кукуеть—родная мать горюеть:
Ой ты, сынъ мой, сыночекъ, ясный соколочекъ,
Ты скажи-ка мнѣ словечко отъ ретива сердца.—
Я бы радъ слово сказать, сердце не воротится.

Ст. Долгодеревенская, 1901 г., приказный развѣдчикъ Степанъ
Ильичъ Подкорытовъ; сообщилъ подѣсаулъ Н. С. Головинъ.

А. **В**отъ пошли наши казаки
День и ночь походомъ,
Трай-рай-ритатай,
День и ночь походомъ.
День и ночь они походомъ,
Горами, долами.
Трай-рай-ритатай,
Горами долами.
Они горами, долами,
Темными лѣсами.
Притѣвъ.
Они темными лѣсами,
На станъ становились.
Притѣвъ.
Они на станъ становились,
Тяжко вздохнули.
Притѣвъ.

Они тяжко вздохнули,
Родныхъ помянули.

Припѣвъ.

Остаются у насъ дома
Молодые жены.

Припѣвъ.

Молодые у насъ жены
Съ малыми дѣтьми.

Припѣвъ.

Съ малыми дѣтьми,
Съ отцомъ, матерями.
Трай-рай-ритатай,
Съ отцомъ, матерями.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Казань
на царской
службѣ.

Аг.

Соловухекъ прилеталь;
Молодой казаченька
Въ гости пришелъ, звалъ.
Звалъ онъ меня, дѣвцу,
Уговаривалъ съ собой:
„Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица.
Въ службу царскую со мной!
Какъ у насъ во службѣ
Развеселое житье:
Быстры рѣченьки
Сладкой водкой протекли,
Наши круты бережки
Виноградомъ обросли.»
— «Не обманывай, молодецъ:
Я сама въ службѣ была,
Сама развѣдала.

Ваши быстры рѣченьки
Алой кровью протекли,
Ваши круты бережки
Все слезами облиты.»

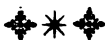
Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Ниль Соколовъ.

А.

Уговариваль парень дѣвченку
Въ службу царскую съ собой:
„Поѣдемъ-ка, раскрасавица,
Въ службу царскую со мной:
У нашего у Бѣлаго Царя
Хорошо въ службѣ жить,—
Какъ вѣдь быстря-то рѣчки
Онѣ медомъ протекли,
А крутыс бережочки
Всѣ медомъ улиты.“
— «Ты не обманывай, парень, дѣвченку:
Я сама въ службѣ была;
Какъ вѣдь быстря-то рѣчки
Онѣ кровью протекли,
А крутыс бережочки
Все слезами улиты.»

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Лаврентій Бринцевъ.

В. Дунай-рѣчка невеличка—
Семь верстъ ширною.
На той ли на рѣчушкѣ
Казакъ платье мостъ,
Онъ мостъ и колотить,
Самъ голосомъ воетъ:
„Не наше бы это дѣло
Мыти платье бѣло,
А наше бы только дѣло
Во строю стояти,
На плечо ружье кидати,
Артикуль метати.“

Записана въ 1890 году войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст.
Татищевской отъ казака Степана Прокофьевича Смирнова 85 лѣтъ.

В. Какъ на бой-то, бой,
Мы, казаченьки,—первые,
А какъ фуражъ-жалованье—
Мы послѣдніе....

.....

Ст. Ильинская, 1904 г., кол. сов. Д. К. Андреевъ. *)

*) Эту пѣсню Д. К. Андреевъ слышалъ еще въ 60-хъ годахъ отъ своего дѣда, и уже въ то время она считалась вымирающею. Въ памяти его сохранилось только приводимое здѣсь начало; отыскать всю пѣсню, къ сожалѣнію, не удалось.

Г. Ты расти-ка, рябина раскудрявая,
Ты не стой-ка, рябина, на горѣ крутой,
Не роняй-ка листьѣ да во синѣ море:
Во синемъ-то морѣ да корабль плыветъ.
Какъ въ томъ кораблѣ—три полка казакъ,
Три полка казакъ, молодыхъ ребятъ.
Молодой офицеръ Богу молится,
Рядовой-то казакъ домой просится:
„Офицеръ молодой, отпусти меня домой,
Отпусти меня домой къ отцу—матери родной,
Къ отцу—матери родной, къ женѣ моей моло-
дой.“

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Д. Шинкуетъ шинкарка пивомъ да виномъ,
Пивомъ да виномъ, сладкой водочкой.
У этой шинкарки три молодца пьютъ:
Турокъ да полякъ и младъ донской казакъ.
Турокъ вино пьетъ—монету кладетъ,
Полякъ вино пьетъ—червонцы кладетъ,
Донской казакъ пьетъ—на обманъ беретъ:
Молоду онъ шинкарочку все обманываетъ,
Все обманываетъ, уговариваетъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, къ намъ на тихій
Донъ!“

У насъ на тихомъ Дону не по вашему:
Не ткуютъ, не прядутъ—хорошо живутъ;
Сошьютъ тебѣ рубашеночки камчатненькія,
Покроютъ тебя фатишки шелковенькія.“
Сѣдлаетъ казаченька онъ добра коня,
Сажаетъ шинкарочку позади сѣдла;
Повезъ онъ шинкарочку во темны лѣса.

— „Вотъ тебѣ, шинкарочка, славный тихій Донъ “
Слѣзаетъ казаченька со добра коня;
Привязываетъ шинкарочку ко сосенкѣ;
Зажигаетъ эту сосенку со комельку.
Сосенка горитъ, дѣвица кричитъ:
«Вотъ тебѣ, казаченька, золота казна,
Золота казна, цвѣтны платица!...»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Бѣлошеева.

Д. **Ш**инкарка, шинкарка молоденькая.
У этой шинкарки три молодца пьютъ:
Турокъ, полякъ и донской казакъ.
Турокъ вино пьетъ—монету кладетъ,
Полякъ вино пьетъ—червонцы кладетъ.
Казакъ вино пьетъ—денегъ не дастъ,
На стѣнку мѣлитъ, шинкарку манитъ:
„Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ:
У насъ на Дону не по вашему:
Не ткуть, не прядутъ—во шелку ходятъ,
Пашенку не пахутъ, а сладко ѣдятъ.“
Согласилась шинкарочка на обманчивы слова.
Собирала шинкарочка злато-серебро.
Посадилъ казакъ шинкарку на добра коня,
На добра коня, позади сѣдла, позади себя.
Привозилъ шинкарку къ сырой сосенкѣ;
Привязалъ шинкарку къ зеленой сосенкѣ;
Зажегъ, зажегъ сосенку снизу до верху.
Вотъ тебѣ (говорить) шинкарка и тихій Донъ!
Сосенка горитъ, а шинкарочка кричитъ:

«Подруженьки-душечки, не давайтесь въ об-
манъ,
Не давайтесь въ обманъ донскимъ казакамъ.»

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Авдотья Селиверстовна Бар-
бусова.

Д.

Разсказали намъ про Польшу,
Что богатая,
Вотъ теперь-то мы узнали,—
Голь треклятая.
Какъ по этой-то по Польшѣ
Дорожка лежитъ;
На той ли на дороженькѣ
Корчменка стоитъ.
Въ той-то корчменочкѣ
Три молодца пьютъ:
Пруссакъ да полякъ
И младъ донской казакъ.
Пруссакъ водку пьеть—
Монету кладеть;
Полякъ водку пьеть—
Червонцы кладеть;
Казакъ водку пьеть—
Ничего не даетъ,
По корчмѣ ходить,
Кисетомъ гремить,
Кисетомъ гремить,
На стѣнкѣ мѣлить,
На стѣнкѣ мѣлить,
Шинкарку манить:
„Шинкарочка, душечка,
Поѣдемъ со мной,

Поѣдемъ со мной,
Къ намъ на тихій Донъ!
А у насъ на Дону
Не по вашему:
Не ткуть, не прядутъ,
Во шелку ходять;
Не сѣютъ, не пашутъ,
Калачи ѣдятъ.“
Согласилась шинкарочка
На его слова;
Сажалъ онъ шинкарочку
На добра коня...
Привязалъ онъ шинкарочку
Къ темной сосенкѣ;
Зажигалъ онъ сосенку
Снизу до верху.
«Подруженьки-душечки,
Не давайтесь въ обманъ,
Не давайтесь въ обманъ
Донскимъ казакамъ!»

Сообщилъ сотникъ П. А. Щепихинъ.

Е. **В**ольна пташечка моя
По полю летала
Да про милого своего
Вѣстку услыхала.
Какъ во нынѣшнемъ году
Всѣмъ казакамъ смѣна,
А какъ милому моему
Ему смѣны нѣту.
Мнѣ того жальчѣй всего,
Кто съ кѣмъ разстанется.

Разстается рыбина
Со свѣжей водою,
Разстается голубокъ
Со сизою голубкой,
Разстается лебедокъ
Съ бѣлою лебедкой—
Разстается молодець
Съ красною онъ дѣвицей.

Ст. Долгодеревенская, 1901 г., приказный Степанъ Подкоры-
товъ; сообщилъ подъясаулъ Н. С. Головинъ.

Ж.

Вотъ бѣжитъ, бѣжитъ вода
Въ рѣчкѣ изъ потока,
А за дѣвицей казакъ
Гонится далеко.
„Ахъ, родимая моя,
Что должна я дѣлать?
Что я буду отвѣчать
Милому казаку?“
— «Брось, казака, дочь моя;
Слушайся совѣта:
Вѣдь казакамъ-то въ походъ,
Ты подумай это.»
— „Нѣтъ совѣта твоего
Слушать не хочу я,
И съ казаками въ походъ
Завтра же уйду я.
Ахъ, казаки-молодцы!
Что у васъ за кони:
Осѣдлайте одного—
Не боюсь погони.“

— „Мы даримъ тебѣ коня
Съ вороною гривой,
Если хочешь для тебя,
Осѣдлаемъ живо.“
Годъ проходитъ.... дочь идетъ
Къ матери унылой,
На рукахъ у ней лежитъ
Казаченокъ милый.
— „Ахъ, родимая моя!
Я теперь вотъ каюсь;
Будетъ бабушкой тебя
Называть ласкаясь.“
— «Нѣтъ, совѣта моего
Слушать не хотѣла,
Такъ ступай же ты къ тому,
Съ кѣмъ совѣтъ имѣла.»

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Письмо
казака со
службы.

Вотъ бѣлая заря занималась,
Мое письмо писать начиналось;
А только солнышко взойдетъ,
Мое письмо домой поидетъ;
Я писалъ и сказалъ:
„Лети, мой листокъ,
Отъ заката на востокъ,
Въ Оренбургскій городокъ;
Отъ австрійской границы*)
До Буранной станицы,*)

*) Въ этихъ строкахъ названія границы и станицы мѣняются смотря по мѣсту стоянки части и въ зависимости отъ принадлежности пишущаго письмо казака къ той или другой станицѣ.

А оттуда вылетишь на бугорокъ,
Тамъ увидишь родительскій домокъ,
А оттуда лети сизымъ орломъ
И отворяй дверь правымъ крыломъ,
И на столъ садись;
Тамъ печать разломись,
И мое письмо остановись,
И садись родителямъ на плечи,
И Расскажи такія рѣчи:
«Ахъ, Боже мой, Боже мой,
Ты, Творецъ небесный!
Почто Ты меня карасшь?
За что навѣкъ съ родными разлучаешь?
Судьба жалости не знаетъ
И мученью предаетъ:
Заставила меня бродить
По всему земному шару.
Вездѣ тихо, вездѣ мрачно,
А на сердцѣ тяжело;
Вотъ кровать та деревянна
И соломенный тюфякъ,
Развалился, ровно пьяный,
Разнесчастный нашъ казакъ.
Скоро только говорится,—
Служба медленно идетъ,
И три года—время долго,
Безъ родныхъ мнѣ скучно жить.
Сторона моя, сторонка,
Разродимая моя!
Скоро ль, милая сторонка,
Вновь увижу я тебя?
Или, можетъ быть, услышу
Звукъ на зорькѣ соловья?
Я, какъ воскъ, на свѣчкѣ таю,
Думаю, что съ жизнью распрощусь:
Вокругъ пули и гранаты—

Цѣлый день надъ головой.
Ты носи мое письмо отъ Подольска
На родимый нашъ Уралъ;
Не забудь сказать родимымъ,
Что мнѣ въ службѣ не везеть:
Иль начальство нападаетъ,
Иль я самъ всегда въ бѣдѣ;
Будто, смотришь, я стараюсь,
Но талану нѣтъ нигдѣ;
Утромъ рано просыпаюсь,
Передъ иконой на колѣняхъ я стою,
Торопливо убираюсь,
На ученье выхожу.»

Ст. Богуславская, 1899 г., казакъ Федоръ Мордвинцевъ.

Казани
утѣшаютъ
началь-
ника.

Мы снарядимся, братцы-казаченьки, хоро-
шохонько,
Мы пройдемте, братцы-казаченьки, вдоль по
улицѣ,
Пропоемте мы, братцы-казаченьки, пѣсню новую,
Мы которую пѣвали на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенки, братцы, пѣвали, слезно плакали,
Потѣшали мы, братцы-казаченьки, команди-
рушку:
Еще что же ты, командирюшка-младъ, состарился?
— Какъ состарила меня, братцы-казаченьки,
смерть-измѣнушка,
Смерть-измѣнушка, братцы-казаченьки, измѣ-
нушка*) Царя Бѣлаго.

Записана отставнымъ генераль-маіоромъ А. И. Суровымъ.

*) Здѣсь слово „измѣнушка“ употреблено въ смыслѣ перемѣны
отношенія.

Война.

Скучно жить сиротѣ
На чужой сторонѣ:
Все не мило, все постыло,
Нѣтъ веселья для меня.
Вспомню городъ родной,
Самъ зальюся слезой:
Всѣмъ былъ воленъ, всѣмъ доволенъ,
Нужды—горечи не зналъ,
Но теперь я узналъ:
Во степи я побывалъ.
Во чистомъ полѣ—страсть и горе:
Черно море шумить,
Съ кораблей огонь летить,
Турокъ душить, стѣны рушить.
Турокъ кричитъ: „Алла!“
Русскій кричитъ: „Ура!“
Кто изрубленъ, кто израненъ,
А кто плаваетъ въ крови.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринимъ въ ст. Нижнеозер-
ной отъ урядника 61 года Андрея Гавриловича Яковлева.

Смерть
въ сраже-
ни.

„Сторона, моя сторонка,
Разродимая моя!
Скоро ль, милая сторонка,
Вновь увижу я тебя?
Или, можетъ быть, услышу
Звукъ на зорькѣ соловья?“
Казакъ, герой, съ коня свалился,
И упалъ онъ внизъ лицомъ.
Его товарищи подняли,
На перевязку понесли;

Онъ сказалъ имъ: „Братцы, дружно
Стой за батюшку-Царя!
Теперь я знаю, и я чую,
Что домой я не вернусь,—
Я, какъ воскъ, на свѣчкѣ таю,
Такъ и съ жизнью распрощусь.“
А самъ вздохнулъ онъ три разочка,
Призакрылъ свои глаза...

Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ.

Ожиданіе
съ войны.

Атаманъ ѣдетъ на войну,
Что ни конь подъ нимъ гнѣдой;
Атаманша молодая
Провожала далеко,
А племянница родная
Стала спрашивать его:
„Ужъ ты, дяденька родимый,
Ты когда будешь домой?“
Онъ сказалъ ей слово вѣрно,
Закричалъ на весь народъ:
«Къ Рождеству Христову буду
Или въ самый Новый годъ!»
Вотъ всѣ празднички проходятъ,
Атаманъ не ѣдетъ къ намъ.
Какъ по питерской дорожкѣ,
По оренбургской столбовой,
Что не пыль столбомъ клубится—
Молодой курьеръ бѣжитъ.
Пойду спрашивать курьера
Про атаманово житье:
„Ты куда, курьерчикъ,
Такъ скоро спѣшишь?“

— Молодая атаманша
 Стала спрашивать его —
Онъ сказалъ ей слово вѣрно,
 Закричалъ во весь народъ:
«Вы скидайте цвѣтны платья,
 Сотирайте красоту,
Надѣвайте черный трауръ,
 Всю вамъ правду расскажу.
Какъ убили атамана во степи,
 На широкой площади.
Какъ двѣнадцать архіересвъ
 Память вѣчную поютъ,
Какъ двѣнадцать генераловъ
 На главахъ его несутъ,
Какъ два главныхъ генерала
 Ордена несутъ,
А какъ молодые офицеры
 Коня гнѣдова ведутъ.»

Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст.
Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Стрижевъ.

А. Собирается гетманъ на бой,
Подъ нимъ конь былъ гнѣдой.
Племянница родная спрашиваетъ его:
„Ужъ ты, дядюшка родимый,
Ты когда будешь домой?“
— «Я во пятницу не буду,
А въ субботу рано возвращусь.»
Вся недѣлюшка проходитъ,
А гетмана съ войны нѣтъ.
Вдругъ по близости къ окошку
Курьеръ съ вѣстью скоро прискакалъ,
Рѣчь печальную курьеръ сказалъ:

„Вы снимайте цвѣтно платье,
Надѣвайте черноту,
Надѣвайте черноту,
Смывайте съ лица красоту:
Вашъ-то дяденька скончался,
На военномъ полѣ лежитъ;
На площади я тутъ случился.“

Записана въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ во
2-мъ отдѣлѣ.

КАЗАЧКА.

Б. Надеждой грудь свою терзая,
Сидитъ казачка молодая,
Склонившись низко у окна,
Въ слезахъ, печальна и блѣдна.
Предъ ней широкая дорога,
Ея мечты—души тревога,
Какъ лента, вьется по холмамъ
Вдали къ синѣющимъ горамъ.
По той дорогѣ ея милый,
Сердечно, горячо любимый
Казакъ лихой и удалой
Съ войны хотѣлъ притти домой.
Но не клубится пыль степная,
Не вспрянетъ перепеловъ стая,
Не слышно ржанья лошадей,
Все тихо, мертво средь степей.
Уже и солнце за горою
Ушло искать себѣ покою:
Ему на смѣну молодой
Явился мѣсяцъ золотой.

Но ждётъ казачка молодая,
Тоскою грудь свою терзая,
Въ слезахъ, склонившись у окна,
Домой лихого казака.

*(Выписана подгесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ
1-ю выпуска „Казачьяго сборника“ 1887 года).*

◆

В. **С**ъ надеждой вѣрною, чужбиной,
 Кручину въ сердцѣ затая,
Скакаль казакъ черезъ долины
 На свои родны поля.
Скакаль и конь его усталый,
 Покорень спѣху сѣдока;
Уже Урала лугъ прибрежный
 Очамъ виднѣлся казака.
Вотъ близко берегъ.... Конь усталый
 По дну песчаному бредеть;
Вздохнулъ, встряхнулъся и лугами
 Онъ быстро всадника несетъ.
Туманъ разсѣлся.... Полями
 Казакъ молча прилегъ къ лукѣ,
Вотъ быстро мчится онъ садами,
 Блеститъ колечко на рукѣ.
Кольцо казачка подарила,
 Когда казакъ пошелъ въ походъ;
Клялась она и говорила:
 „Твоя я буду черезъ годъ!“
Вотъ годъ прошелъ. Казакъ стрѣлюю
 Къ селу родимому спѣшитъ;
Станицу видитъ подъ горою;
 Вздогнуло сердце, онъ молчитъ....

Не вѣрь, казакъ, мечтамъ, обману!
Сверши въ душѣ пути конецъ,
Аль воротися къ атаману,
Гдѣ ждетъ невольника вѣнецъ.
Твою казачку за другого
Противу сердца отдаютъ.
Коня ты гонишь попустому,
Не здѣсь, родимый, твой пріютъ.
Лети, скачи, казакъ, чрезъ горы!
Забудь казачку и село;
Въ чужомъ краю не знай свободы;
Умри, склоняся на сѣдло!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Степанъ Петровъ; ст. Кардаиловская, 1903 г., ветер. фельдшеръ Стариковъ и казакъ Зобнинъ; ст. Гирьяльская, 1904 г., нестр. стар. разр., Иванъ Вишняковъ.

Г₁.

Погасло солнце за морями,
Стоитъ казачка у воротъ
И въ дальній путь
Глядитъ съ тоскою,
И слезы льются изъ очей.
„О чемъ, казачка, слезно плачешь?
О чемъ, красавица, грустишь?“
— «Одна печаль меня смущаетъ:
Велятъ мнѣ милаго забыть;
Но нѣтъ во вѣкъ дружка я не забуду!
Когда на родину придетъ,
Въ живыхъ меня онъ не застанетъ,—
Въ могилу хладную снесутъ.»
А мать казачку утѣшала:
„Не плачь, родная, дочь моя!
Тебѣ женихъ уже готовый,

Ты будешь въ золотѣ ходить,
Онъ бравый, статный,
Ты должна его любить.“
—«Я буду, матушка, покорна
И выйду замужъ за него;
Потомъ ты будешь виновата:
Несчастной сдѣлаешь меня.»
По утру, съ горькими слезами,
Везутъ казачку подъ вѣнецъ;
Она дрожащими устами
Произнесла: «Судьбѣ конецъ»....
Казачку въ землю опустили
И гробъ, усыпанный цвѣтами,
Сырой землей зарыли,
И долго, долго горевали,
Поплакали, домой пошли.—
Какъ по полю казакъ мчится
На ворономъ своемъ конѣ;
Онъ мыслить съ милой обручиться
И отдохнуть въ своей странѣ.
Мать на крылечкѣ стоитъ.
„Здравствуй, матушка родима!
Гдѣ Наташенька моя?“
—«Твоей Наташи въ живыхъ нѣту,
Она въ сырой землѣ лежитъ;
Родные плакали, рыдали,—
Она красавица была.»

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; ст. Пречистенская, 1899 г., казакъ А. Константиновъ; ст. Нижнеозерная, 1901 г., урядникъ Чулаковъ; ст. Миасская, 1902 г., урядникъ Михайлъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Г₂. Потухло солнце за горами,
 Сидитъ казачка у окна;
Она сидитъ со своей думой,
 И слезы льются изъ очей.
„О чемъ, о чемъ, казачка, плачешь?
 О чемъ, бѣдняжечка, грустишь?“
— «Какъ мнѣ, казачкѣ, не плакать
 И какъ бѣдняжкѣ не грустить?
Одна печаль меня смущаетъ:
 Велятъ мнѣ милаго забыть.
Я во вѣки друга не забуду;
 Казакъ на родину придетъ,
Хотя въ живыхъ меня не будетъ,
 Въ могилѣ онъ меня найдетъ.»
Какъ со утра раненько
 Ведутъ казачку подъ вѣнецъ;
Какъ со вечеру поздненько
 Въ могилу хладную снесли.
Урядили гробъ цвѣтами,
 Огребли, домой пошли.—
Какъ ровно вѣтеръ, въ полѣ мчится
 Казакъ на боевомъ конѣ.
Вблизи селенія подъѣзжаетъ,
 Увидѣлъ дѣда своего.
Онъ дѣда вопрошаетъ:
 „Скажи, казачка гдѣ моя?“
Дѣдъ сквозь слезы отвѣчаетъ:
 «Казакъ, казачка здѣсь твоя!»
Онъ вынулъ ноги изъ стремянъ,
 Закинулъ поводъ на гнѣдка
И прямо съ бережка крутого
 Въ рѣчку быстрю упалъ.. .

Вѣтеръ дуетъ; шумить Волга;
Казакъ ко бережку приплыль.

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка Елена Батюшкина; ст. Нижнеуевельская, 1902 г., братья казаки Романъ и Филиппъ Тутаевы (записаль сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

О ПЛѢННОМЪ МАЙОРѢ.

Возвраще-
ніе
съ войны.

А. Какъ по питерской большой дорогѣ
Бѣжить-то, спѣшить скорой курьеръ
(Курьеромъ-то сидѣль молодой майоръ),
Бѣжить-то, спѣшить изъ неволи къ Царю Бѣ-
лому.

Какъ слѣзаетъ-то онъ со ямской тройки,
Береть-то, беретъ за перилы,
За тѣ же перилушки камышаровы.
Лѣвой ноженькой молодець оступился,
Правой рученькой ухватился,
Какъ упалъ-то, упалъ на матушку, на сыру
землю;
Закричалъ-то молодець своимъ нѣжнымъ голо-
сомъ:

„Ужь ты, батюшка, Бѣлый Царь!
Не приказывай меня казнить-вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвить:
Прикажи отвести мнѣ квартиру
У той вдовы, которая вдовой сидитъ девять
лѣтъ,
На десятомъ-то годочкѣ отведи квартиру мнѣ
Какъ у той-то вдовы широко подворьнице пу-
стымъ-запустѣло,
Заростало-то оно травой-муравой,
Еще частыми лазоревыми, алыми цвѣтами“

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной
отъ казака Степана Давыдова, донца.

В₁. **Ч**то не солнышко изъ-за горъ выкаталось,
И садилось оно за горой;
Всею землю оно отемнило
Все ночью темнотой;
Всею травоньку уросило
Ранней утренней росой.
Какъ по питерской большой дорожкѣ
Распресильна пыль пылить;
Ничего въ пыли не видно,
Только шашечки однѣ блестятъ:
Два храбрыхъ кавалера
Изъ походику они идутъ.
Подходили они ко селенью.
Вдоль по улицѣ прошли.
Подходили ко хижинкѣ,
Попросились ночевать:
„Ужъ ты, вдовушка, вдова,
Ты пусти-ка насъ, пусти
Ночку ночевать!“
— «Я бы рада васъ пустить,
Дома нѣту никого,
Три дня печку не топила,
Не варила ничего.. .»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Ниль Стрижевъ.

В₂. **Ч**то не солнышко изъ-за горъ выкаталось,
Не садилось оно за горой,
Всю землю отемнило
Все ночью темнотой,
Всю землю оросило
Ранней утренней росой.

Какъ по питерской дорожкѣ
Что не пыль шибко пылить—
Какъ два храбрыхъ кавалера
Со сраженьица идутъ.
Какъ одинъ-отъ лѣтъ во тридцать,
А другой—какъ бѣлый снѣгъ,
Сѣдиною приукрашенъ,
И вся грудь его въ крестахъ.
Подходили они близко ко деревнѣ;
Попросились ночевать:
„Ты, разлюбезная наша хозяйюшка,
Ты пусти-ка ночевать.“
—«Ужъ я рада бы васъ пустила,
А мнѣ нечѣмъ васъ принять.»
—„Разлюбезная наша хозяйюшка,
Намъ не надо ничего.“

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Лаврентій Брын-
цевъ.

Б₃. Какъ подъ деревцомъ, подъ ветлинкою
 Нова хижинка стоитъ;
Какъ во этой во хижинкѣ
 Стара вдовонька живетъ.
Она сидѣла передъ окошечкомъ
 И смотрѣла во чисты поля;
Во чистомъ-то полечкѣ
 Что не видно, право, ничего,
Только увидала, усмотрѣла она
 Бдутъ два героюшка;
Какъ одинъ-то герой,
 Какъ бѣленькій снѣжочекъ,

А второй-то герой,
 Какъ аленькій цвѣточекъ.
Вотъ подходятъ они къ новой хижинкѣ
 И просятъ у вдовоньки почевать:
„Разлюбезна, ты, наша хозяйюшка,
 Пусти ночку почевать!“
— «Я бы рада васъ пустила
 Да три дня хату не топила,
Три дня хату я не топила и не варила:
 Права нѣту ничего.»
— „Разлюбезная наша хозяйюшка,
 Намъ не надо ничего.“
Восходили они въ нову хижинку,
 Помолились Богу.
Одинъ-то героюшка сѣлъ на лавочку,
 А другой насупротивъ его,
А разлюбезная хозяйюшка подошла къ печкѣ
 И слезно восплакнула.
Какъ одинъ-то героюшка
 Сталъ ее спрашивать:
„О чемъ плачешь, разлюбезная наша хозяйюшка,
 Во слезахъ шибко рыдасни?“
— «Какъ мнѣ не плакать,
 Во слезахъ мнѣ не рыдать:
Проводила свово мужа
 И вслѣдъ сына своего;
Прослужили они двадцать пять лѣтъ,
 А о нихъ и вѣстки нѣтъ,
Нѣтъ ни слуху, нѣтъ ни духу,
 Про нихъ, право,—ничего.»
— „Ты не плачь, наша хозяйюшка:
 Мы явились сами предъ тобой.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ А. Деминъ.

Б₄.

По питерской по дорожкѣ
Не пыль въ полѣ пылитъ—
Два славныхъ кавалера
Изъ похода идутъ;
Одинъ, какъ лунь, бѣлъ,
Другой въ молодыхъ лѣтахъ.
Подъѣзжаютъ же они ко селеньицу,
Подъѣзжаютъ они ко избеночкѣ,
И просятъ они ночевать:
„Молодая вдова, хозяйка,
Пусти насъ ночевать.“
—«Я бы рада васъ пустила,
У меня хата не топлена,
И ничего не варено.»
Они входятъ въ избеночку;
Одинъ сѣлъ на лавку,
Другой—на скамью,
А вдовонька у печки
Заливается слезми.
Молодой герой спрашиваетъ:
„О чемъ плачешь, о чемъ слезы льешь?“
—«Какъ же мнѣ не плакать,
Какъ слезы не лить:
Съ кѣхъ-то поръ вдовѣю,
Съ кѣхъ-то сиротѣю!»
—„На-ка тебѣ, вдовушка, платочекъ,
А въ немъ узелочекъ,
А въ немъ перстенечекъ:
Мы давно съ тобой вѣнчались
И перстнями обручались.“
Приняла она платочекъ,
Развязала узелочекъ,
Взяла перстенечекъ...
«Ахъ, мой голубочекъ!»

Ахнула и покати́лась:
Богу́ душу отдала.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст.
Татишевской отъ казака Матвѣя Рахманина.

Вг. **Н**астала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Быль долженъ разстаться съ блаженствомъ сво-
имъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: „Будь вѣрна!“
--«Вѣрна до могилы!» сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечомъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели раны, и всѣ на груди...
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.
Уже достигаетъ Урала бреговъ
И видитъ навстрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ сго.
— „Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?“
Старикъ отвѣчаетъ: „Здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тсѣбѣ измѣнила младая жена,
Зато отъ печали изсохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ объ ней.“

Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ.
Упала на грудь его мать въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ....
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой....
Глава покатила въ жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни... и казнь получилъ...

— — —
(*Мякушинъ стр. 186*).

— — —
Ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ; записана
также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подлесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

— — —

В. **О**динъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Онъ, году не живши съ женой молодой,
Любя ее страстно, былъ страстно любимъ,
Но долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Сталъ разставаться, три слова сказалъ:
„Прощай, мой родитель, прощай, мать моя;
Жена молодая“, сказалъ, „будь вѣрна!“
— «Вѣрна до могилы!» сказала жена.
За русскихъ три года дрался со врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечомъ;
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди,
Свидѣтели—раны и крестъ на груди.
Окончились битвы, онъ ѣдетъ домой
Ураломъ рѣкой, своей стороною,
Своей стороною къ родинѣ родной.

Онъ видитъ бдущихъ навстрѣчу родителей
своихъ.

„Здравствуй, родитель! Здорова ль семья?
Здорова ль семья, молодая жена?“

— «Здравствуй, нашъ сыночекъ, сынъ нашъ
родной!»

У тебя, сынъ любезный, случилась бѣда:

Жена молодая измѣнила тебѣ,

Измѣнила, сгубила: сына родила,

Со этой печали изсохла сама.»

Отецъ на колѣняхъ, а мать во слезахъ:

«Прости, сынъ любезный, жену во грѣхахъ!»

— „За все я прощаю, за одно не прощу!“

Шашечка блеснула въ могучей рукѣ,

Глава покатила въ жены молодой.

Онъ тихо, безмолвно главу жены беретъ,

Надѣвъ ее на древко, на площадь несетъ;

Свое преступленіе являетъ онъ всѣмъ:

„Берите, вяжите: моя вина во всемъ!“

Ст. Гирьяльская, 1901 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

Г. **В**округъ могилы зеленѣя

Растутъ деревья, виноградъ,

А въ той могилѣ, въ этой самой,

Лежитъ отецъ и моя мать....

Съ отцомъ я, съ матерью простился,

И самъ уѣхалъ на Кавказъ;

Злыхъ я турокъ побѣдитель

Назадъ вернулся видѣть васъ.

Подъѣзжаю къ тому дому....

Въ домѣ тихо и темно;

Посмотрѣлъ я сквозь окошко—
Въ домѣ нѣту никого...

Ст. Мѣсская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записана
сотникомъ Д. Е. Пичугинимъ).

Д. **З**вонокъ звенить, и тройка мчится,
Несется пыль по столбовой,
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой.
 Въ чужихъ краяхъ съ врагами дрался,
 Царю, отечеству служилъ,
 Онъ съ ними юношей разстался,
 Пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ жилъ.
Онъ увидалъ село родное,
На Божьемъ храмѣ крестъ горить;
Его забилось ретивое,
Слеза невольная блеститъ.
 Ямщикъ, пой пѣсни веселѣ!
 Лихая тройка, вихремъ мчись!
 Онъ увидалъ отцовскій домикъ;
 Вотъ отчій домъ: остановись!
Звонокъ умолкъ, и наръ клубится
Съ коней ретивыхъ удалыхъ;
Нежданный гость въ окно стучится,
Онъ входитъ быстро въ кругъ родныхъ.
 Его родные не признали,
 Въ немъ измѣнились черты,
 И всѣ невольно вопрошали:
 „Скажи, служивый, кто же ты?“
Я вамъ привезъ письмо отъ сына.
Онъ живъ, здоровъ и шлетъ поклонъ;

Въ немъ кровь моя, мое и имя,
Ну словомъ я, какъ будто онъ.
„Нашъ сынгъ! нашъ братъ!“ тогда
вскричали
Родные кровные его,
Въ объятыхъ слезы проливали,
Не отходили отъ него.
Звенить звонокъ, ямшикъ несется
Въ обратный путь уже одинъ,
И пѣсня громко раздастся,
Вдали чуть слышно: динь, динь, динь!

Ст. Миасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; записана
сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Возвраще-
ніе со
службы.

А. 1. „Конь мой вѣрный, конь ретивый!
Нѣтъ мнѣ лучшаго коня.
Скоро ль къ родинѣ счастливой
Ты, лихой, домчишь меня?
Не роднось здѣсь памъ поле:
Разъѣзжать намъ по степямъ,
Давно не былъ ты на волѣ,
Среди вольныхъ табуновъ“.
Прослуживъ въ стени три года,
Такъ казакъ коню сказалъ;
Возвращаясь изъ похода,
Казакъ на родину спѣшитъ.
Вотъ переулкомъ ужъ знакомымъ
Рысью конь его бѣжитъ.
Вотъ казакъ передъ жилищемъ
Коня своо остановилъ.
Что же видить: разгороженъ
Дворъ, травую весь заросъ

И давнымъ-давно заброшенъ,
Обветшалый и пустой.

Тутъ сосѣдъ къ нему съ участиемъ
Подошедши, такъ сказалъ:

«Безъ тебя, мой другъ любезный,
Богъ отрядъ*) нашъ наказалъ:

Насъ несчастье посѣтило:
Многихъ въ зсмлю отвело,

И родныхъ твоихъ могила
Давно травую поросла.»

Отъ печальнаго жилища
Казакъ коня поворотилъ
И поѣхалъ на кладбище
Тамъ искать своихъ родныхъ.

(Стариковъ стр. 225).

— * —

А. „Конь мой вѣрный, конь ретивый!

Нѣтъ мнѣ лучшаго коня.

Скоро ль къ родинѣ счастливой

Ты, лихой, домчишь меня?

Не родное здѣсь намъ поле,—

Развѣзжать намъ по степямъ;

Не былъ ты давно на волѣ

Среди вольныхъ табуновъ.“

Прослужилъ казакъ три года,

Сталъ на родину спѣшить.—

Переулочкомъ знакомымъ

Рысью конь его бѣжитъ.

*) До 1865 года поселенія оренбургскихъ казаковъ назывались „отрядами.“

Вотъ казакъ передъ жилищемъ
Вдругъ коня остановилъ,
Гдѣ желаннаго пріюта
Онъ хотѣлъ себѣ найти.
Видитъ дворъ весь разгороженъ,
Обветшалый и пустой,
И давнымъ давно заброшенъ,
Какъ сиротка онъ стоитъ.
Тутъ сосѣдъ къ нему съ участиемъ
Подошедши, такъ сказалъ:
«Безъ тебя, мой другъ любезный,
Богъ отрядъ нашъ наказалъ:
Насъ несчастье посѣтило,
Многихъ въ землю отвело,
И твоихъ родныхъ могила
Давно травой заросла.»
Отъ печальнаго жилища
Казакъ коня поворотилъ
И поѣхалъ на кладбище
Тамъ искать своихъ родныхъ.

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

Аз. **П**рослужилъ казакъ три года,
Сталъ казакъ коня ласкать:
„Конь мой вѣрный, конь ретивый
Нѣтъ мнѣ лучшаго коня,
Скоро ль къ родинѣ счастливой
Ты, лихой, домчишь меня?
Конь давно не былъ на волѣ
На родныхъ своихъ поляхъ,

По Россн ты гулялъ
 Не въ знакомыхъ табунахъ!»
Вотъ по переулочкамъ знакомымъ
 Конь рысцою пробѣжалъ.
Подбѣгаетъ конь къ воротамъ,
 Шибко, громко конь проржалъ.
Вдругъ сосѣдь навстрѣчу выходитъ,
 Рѣчь печальну говоритъ:
„Безъ тебя, мой другъ любезный,
 Богъ отрядъ нашъ наказалъ:
Дворъ твой брошенъ, разгороженъ
 И заросъ густой травой;
Померла твоя надежда,
 И скончалася любовь.“
Отъ печальнаго жинища
 Повернулъ казакъ коня,
Поскакалъ онъ на кладбище,
 Гдѣ нашелъ своихъ родныхъ.

Ст. Богуславская, 1904 г., казакъ Полудневъ; записана также
во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. полѣсауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б. К
Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый,
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ты ждала
Казака младого,
Чуть забрезжила луна
Съ неба голубого,
Вотъ веселый Донъ течетъ
Тихою струею,

Съ нетерпѣнья конь мой ржетъ,—
Чуетъ предъ собою
Онъ траву родныхъ береговъ,
Гдѣ въ счастливой долѣ,
Средь знакомыхъ табуновъ,
Конь гулялъ на волѣ.
Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдого;
Борзый конь летитъ стрѣлой
Ко селу родному.
Вотъ приблизился донецъ
Къ своему селенью.
„Стой товарищъ: намъ конецъ—
Нашему стремленью.“
Видитъ онъ не весель Донъ,
Входитъ во свѣтлицу
И объяту крѣпкимъ сномъ
Будитъ онъ дѣвицу:
„Встань коханочка моя,
Встань и улыбнися,
Поцѣлуй скорѣй меня
И къ груди прижмися.“

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Л. Брынецъ.

Г. **О** чемъ задумался, служивый?
О чемъ ты плачешь, удалой?
Иль тебѣ служба-матка надоѣла,
Иль заболѣлъ твой конь лихой?
Мой конь болѣзни не боится,
Здоровъ онъ, весель, громко ржетъ,
Ему на мѣстѣ не стоится,
Копытомъ землю грозно бьетъ.

Пойду, схожу я въ ту сторонку,
Гдѣ отецъ съ матерью живеть.
Но прихожу я въ ту деревню;
Стоитъ тамъ старая изба.

Въ этой старой избушкѣ
Горитъ лампада, какъ луна,
И передъ Божіей иконой
Стоитъ старушка, мать моя.

Мать объ сынѣ вспоминала,
Что сынъ далеко отъ нея,
Но не успѣла сказать слово,
Какъ сынъ вступаетъ на порогъ.

Вошелъ онъ въ избу, помолился
Иконамъ Божіимъ святымъ,
И, снявъ онъ шапку, перекрестился,
Съ поклономъ низкимъ сказалъ:

„Здоровы ль всѣ мои родные?
Здорова ль, матушка моя?
Но я пришелъ къ тебѣ проститься:
Прости, родная мать моя!

Благослови меня, родная,
Въ чужую дальнюю страну!“
Успѣла мать благословить,
И Богу душу отдала.

Записана во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. подѣсауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Г. „**О** чемъ задумался, служивый?
О чемъ горюешь, удалой?
Аль служба-матка надоѣла?
Аль захворалъ твой конь лихой?“
— «Мой конь болѣзни не бонтся;

Здоровъ онъ, весель, громко ржетъ;
Ему на мѣстѣ не стоится,
Копытомъ грозно землю бьетъ.»
— „Скажи, родной, насъ съ тобой двое,
Аль ты красотку полюбилъ?“
— «Люблю страну свою родную,
Люблю я край родной;
На краю селенья,
Тамъ мать старушка живетъ,
Она слезно плачетъ,
Сына со службы ждетъ.»

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка Елена Батюшкина.

Д. *И*зъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Поднималась туча-громъ,
Поднималась туча-громъ
Со частымъ мелкимъ дождемъ.
Они три годочка прошумѣли,
Ни по чемъ мы не тужили;
Пришла смѣнушка весной,—
Пошла сотенка домой.
Здравствуй, домикъ и Донецъ,
Всѣ родные и отецъ!
Здравствуй, женушка-жена,
Ты здорова ли была?

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Л. Брынцевъ.

Е.

У жь вы, гости, мои гости,
Посидите у меня.

Припѣвъ: Айли, айли, ай до люли,
Посидите у меня.

Посидите у меня,
Да поглядите на меня.

Припѣвъ.

Поглядите на меня,
На бесѣду на мою.

Припѣвъ.

На бесѣду на мою,
Я вамъ пѣсенку спою.

Припѣвъ.

Я вамъ пѣсенку спою,
Да про службу свою.

Припѣвъ.

Два мы годичка служили,
Ни о чемъ мы не тужили.

Припѣвъ.

Сталъ годъ третій наступать,
Стали сердцемъ тосковать.

Припѣвъ.

Стали сердцемъ тосковать
И про смѣну узнавать.

Припѣвъ.

Получили мы приказъ
Отъ Варшавы и до насъ.

Припѣвъ.

Получили мы второй,
Полку нашему домой.

Припѣвъ.

Ужъ ты, Донъ ли, мой Донецъ,
Здравствуй, маменька, отецъ.

Припѣвъ.

Здравствуй, маменька, отецъ!
Здравствуй, женушка моя!

Притъвъ.

Здравствуй, женушка моя,
Хорошо ли ты жила?

Притъвъ.

Ивановичъ, хорошо,
Хоть бы съ годикъ бы еще.

Притъвъ.

Хоть бы съ годикъ или два,
Погуляла молода.

Притъвъ: Айли, айли, ай до люли,
Погуляла молода.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ОТДѢЛЪ I. БЫЛИНЫ.

	Стр.
1. Отчего начался бѣлый свѣтъ?	3
<p>Изъ этой былины усматривается, что міръ, по понятію народа, получилъ начало отъ синяго неба и отъ сырой земли. По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что зерно милологіи всѣхъ арійскихъ народовъ составляетъ представленіе о божествѣ неба и о матушкѣ кормилицѣ-землѣ. Индусы чтили небо подъ именемъ Варуны, греки въ образѣ Урана, германцы поклонялись подъ именемъ Ііу, славяне—Сварога. Земля олицетворялась греками въ образѣ Деметры и Геры, италики называли ее Церерой и Юноной, германцы чтили ее подъ именемъ Нертусъ и Фрей, славяне—матери сырой земли.</p>	
2. Конь и соколы	4--7
А ¹ . Ср. Желѣзновыхъ стр. 6—7.	
А ² . Ср. Мякушина стр. 13.	
3. Змѣй-Тугаринъ	7—9
Ср. Желѣзновыхъ стр. 1--2.	
4. Богатырь Илья Муромецъ	9—11
Ср. Кирѣевского вып. I.	
5. Богатырь Добрыня Никитичъ	12—16
А. Ср. Желѣзновыхъ стр. 3—5.	
Б. Г. Ср. Кирѣевского вып. II.	
6. Молодой донской казакъ и турчанинъ	17—20

ОТДѢЛЪ II. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

1. Разбойничій атаманъ	22
2. Казаки на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ	23—27
А ¹ . Ср. 50 пѣсенъ, Якушина стр. 571—572, 574 и Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 14 стр. 144.	
Б. Ср. Кирѣевского вып. VI стр. 25—29.	
3. Казаки на Яикѣ (Уралѣ)	28—30
А. Ср. Мякушина стр. 61.	
Б ¹ . Ср. Желѣзновыхъ стр. 27—28, Старикова стр. 224 и Мякушина стр. 42.	
Б ² . Ср. Бигдай вып. IV стр. 286 и вып. X стр. 768 и Желѣзновыхъ стр. 27—28.	
4. Дума удалого молодца передъ царскимъ допросомъ	30
Ср. Желѣзновыхъ стр. 15—16.	
5. Сестра и братья разбойники	31—33
А ¹ . Ср. Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 13 стр. 41 и вып. 14 стр. 142; ср. Пушкина стр. 208—209.	
А ² . Ср. Якушина стр. 208.	
6. Жена и мужъ разбойникъ	33
7. Разбойники хозяйничаютъ въ чужомъ домѣ	35—37
Ср. 100 пѣсенъ стр. 74 и Старикова стр. 201.	
8. Разбойники хоронятъ товарища раненаго въ бою	37
Ср. часть I стр. 219.	
9. Узникъ въ темницѣ	38—42
Б. Ср. Желѣзновыхъ стр. 91—92.	
В. Ср. Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 13 стр. 40 и 42.	

Г. Ср. Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 14 стр. 143 и Бигдая вып. X стр. 796.	Стр.
10. Воръ-бродяга пробѣдомъ въ родномъ селѣ	42
Ср. Желѣзновыхъ стр. 25—26.	

ОТДѢЛЪ Ш. ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ БЕЗЫМЯННЫЯ.

1. Смерть царя	44
Ср. часть I стр. 44.	
2. Первоначальное возникновеніе казачества. Сходцы: гулебщики, бѣглые и прочіе	45—50
А. Ср. Кирѣвскаго вып. IX стр. 176 и Уральцы — „Сайгачники.“	
Г. Ср. 50 пѣсенъ стр. 27.	
3. Атаманушка	51—53
Ср. Желѣзновыхъ стр. 69—70, Мякушина стр. 253, Старикова стр. 220, Якушкина стр. 584.	
4. Молодцу снится недобрый сонъ	53—57
Ср. Желѣзновыхъ стр. 65 и Мякушина стр. 114.	
5. Конь казана чуетъ бѣду	57—58
6. Смерть добраго молодца во чистомъ полѣ	58—81
Б. Ср. Желѣзновыхъ стр. 59—60, 50 пѣсенъ № 39, Якушкина стр. 573, Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 13 стр. 29 и 100 пѣсенъ № 24.	
Г. Ср. Желѣзновыхъ стр. 55—58.	
Г. Ср. Якушкина стр. 552 и Желѣзновыхъ стр. 55—58.	
Д. Ср. Желѣзновыхъ стр. 107—108, Извѣстія Оренбургск. отдѣла вып. 13 стр. 44 и вып. 14 стр. 118, 100 пѣсенъ стр. 75, Мякушина стр. 110 и Бигдай вып. IV стр. 253.	
И. Ср. Старикова стр. 233 и 100 пѣсенъ стр. 49.	
Н. Ср. Мякушина стр. 198 и 100 пѣсенъ стр. 63.	
7. Казань раненъ въ бою	81—86
Б. Ср. 100 пѣсенъ стр. 70.	
8. Азіатскій плѣнь	86—99
А. Ср. Кирѣвскаго вып. VII стр. 56 и Желѣзновыхъ стр. 66.	
Б. Ср. Мякушина стр. 181 и Якушкина стр. 532.	
9. Поселеніе на новыхъ мѣстахъ и прилинейная служба	99—105
А. Ср. Желѣзновыхъ стр. 8—9.	
А ² . Къ этой пѣснѣ у войск. старш. Н. К. Бухарина имѣется поясненіе: Пѣсня эта сложена прадѣдами нынѣшнихъ верхнеозернинцевъ. Мѣста были благодатныя, но орда одолѣвала, жить было безпокойно, часто увозили людей.	
Б. Ср. Бигдая вып. XIII стр. 996 и Кирѣвскаго стр. 40 и 158.	
В. Къ пѣснѣ войск. старш. Н. К. Бухаринимъ сдѣлалъ примѣчаніе: Пѣсня эта, по словамъ казака Е. А. Донскова (82 л.), сложена по слѣдующему случаю. Послѣ прохода Пугачева, въ крѣпости Нижнеозерной остались только престарѣлые старики, женщины да дѣти: остальные жители ушли въ войско Пугачева. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались киргизы и въ огромномъ количествѣ подступили къ Нижнеозерной. Атаманъ Киселевъ поднялъ на ноги все населеніе, приказалъ дѣвкамъ, бабамъ и подросткамъ надѣвать армяки, малахамъ и шапки, и съ вилами, палками, пиками бѣжать на валь. За ними поплелись и старики. Обданные картечью изъ единственной пушки, оставленной Пугачевымъ, и, видя на валу большое количество народа, киргизы бросились бѣжать. Атаманъ Киселевъ, успѣвшій сформировать конную партію, выскочилъ изъ крѣпости и съ гикомъ стреми-	

	Стр.
тельно ударилъ на смутившагося непріятеля. Болѣе двухъ верстъ казачки преслѣдовали киргизъ.	
10. Смутное время—безвременница	105—109
Б. Ср. Кирѣвскаго вып. IX стр. 2—5.	
11. Выступление въ походъ	110—116
А. Ср. часть I стр. 115.	
Б. Ср. часть I стр. 114—118.	
В. Ср. часть I стр. 53—54.	
Г. Ср. Желѣзновыхъ стр. 63—64 и Мякушина стр. 116.!	
12. Смерть въ походъ	116—120
13. Казакъ на царской службѣ	120—128
А. Ср. часть I стр. 3.	
Б. Ср. Бигдая вып. X стр. 803.	
Г. Ср. Бигдая вып. VIII стр. 554 и 100 пѣсенъ стр. 50 и 84.	
14. Письмо казака со службы	128
15. Казаки утѣшаютъ начальника	130
16. Война	131
17. Смерть въ сраженіи	131
18. Ожиданіе съ войны	132—139
А. Ср. часть I стр. 107, Мякушина стр. 253, Старикова стр. 220, Якушкинъ стр. 584 и 545.	
19. Возвращеніе съ войны	139—148
Б. Ср. Желѣзновыхъ стр. 67—68.	
В. Ср. Старикова стр. 231, Мякушина стр. 186, 100 пѣсенъ стр. 21.	
Д. Ср. 100 пѣсенъ стр. 50.	
20. Возвращеніе со службы	148—156
А. Ср. Желѣзновыхъ стр. 99—100.	
Г. Ср. Желѣзновыхъ стр. 71—72 и 100 пѣсенъ стр. 41.	

**Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, и станицъ,
къ которымъ они принадлежать.**

<i>Алтыковъ И.</i> , казакъ, Нижнеозерная	57
<i>Андреевъ Д. К.</i> , кол. сов., Ильинская	122
<i>Батюшкина Елена</i> , казачка, Оренбургская	139, 154
<i>Барбусова Авдотья</i> , казачка, Оренбургская	10, 125
<i>Барбусовъ Филиппъ</i> , казакъ, Оренбургская	10, 16, 117
<i>Болодурино Андрей</i> , бомбардиръ, Нижнеозерная	103
<i>Брыцковъ Лаврентій</i> , нестр. стар. разр., Сакмарская	121, 141, 152, 154
<i>Бурлуковъ Павелъ</i> , казакъ, Богуславская	103, 32
<i>Бухаринъ Н. К.</i> , войск. старш. (+29 июня 1891 г.)	7, 11, 18, 31, 37, 49, 67, 88, 90, 100, 101, 105, 122, 131, 139, 144
<i>Бьялкова Анастасія</i> , казачка, Оренбургская	14, 41
<i>Бьлошьева Прасковья</i> , казачка, Нижнеозерная	59, 124
<i>Бьянниковъ Алексѣй</i> , казакъ, Верхнеозерная	11, 50, 100
<i>Бьялевъ А. Ф.</i> , надворный совѣтникъ, Оренбургская	108
<i>Вишняковъ Иванъ</i> , нестр. стар. разр., Гирьяльская	30, 63, 71, 81, 136, 146, 150
<i>Вопиловъ Павелъ</i> , нестр. стар. разр., Кундравинская	116
<i>Воронжеевъ Петръ</i> , урядникъ, Сакмарская	4
<i>Выровицковъ Савелій</i> , казакъ, Сакмарская	23, 38
<i>Головинъ Н. С.</i> , подьесаулъ, Оренбургская	9, 40, 78, 119, 127
<i>Головинъ Михаилъ</i> , казакъ, Оренбургская	9
<i>Гришинъ Владимиръ</i> , урядникъ, Нижнеозерная	20
<i>Гурьевъ Гаерилъ</i> , нестр. стар. разр., Разсыпная	17, 42, 82, 83, 86, 110, 111
<i>Гурьевъ М.</i> , казакъ, Разсыпная	57
<i>Давыдовъ Степанъ</i> , казакъ, Разсыпная	88, 139
<i>Дементьевъ Д.</i> , казакъ, Разсыпная	142
<i>Донсковъ Евгеній</i> , казакъ, Нижнеозерная	7, 31
<i>Ефимовъ Филиппъ</i> , урядникъ, Магнитная	79, 120, 123, 156
<i>Зобнинъ</i> , казакъ, Карданловская	136
<i>Качалинъ Г. П.</i> , сотникъ, Оренбургская	30, 53, 66, 77, 80, 145
<i>Качалинъ Никита</i> , урядникъ, Оренбургская	16
<i>Керенцева А.</i> , казачка, Богуславская	33
<i>Киселевъ Георгій</i> , ветер. фельдшеръ, Нижнеозерная	29, 92, 106
<i>Клишинъ Никифоръ</i> , казакъ, Разсыпная	108
<i>Клишинъ Осипъ</i> , казакъ, Разсыпная	14
<i>Кожеевниковъ Ѡадей</i> , казакъ, Кундравинская	116
<i>Комлевъ Василій</i> , трубачъ, Кундравинская	61
<i>Константиновъ Александръ</i> , казакъ, Пречистенская	137
<i>Косопоровъ Яковъ</i> , Гирьяльская	41, 51, 70, 132, 133
<i>Крыловъ</i> , казакъ, Нижнеозерная	6, 89
<i>Леонтьевъ А. Н.</i> , сотникъ, Оренбургская	114
<i>Лобановъ М. Т.</i> , подьесаулъ, Буранная	3, 55, 58, 70, 85, 102, 107, 110, 115, 135
<i>Ломакинъ Петръ</i> , казакъ, Разсыпная	27, 49, 86
<i>Лосева Александра</i> , казачка, Усть-Уйская	76, 128, 137
<i>Матвеевъ Григорій</i> , казакъ, Звѣриноголовская	65
<i>Матвеевъ Иванъ</i> , нестр. стар. разр., Звѣриноголовская	56, 60

<i>Михайлыченко Николай</i> , трубачь, Новоорская	42
<i>Мордвицевъ Федоръ</i> , казакъ, Богуславская	130
<i>Николаевъ Никита</i> , урядникъ, Оренбургская	30, 66
<i>Пановъ Семенъ</i> , ветер. фельдшеръ, Нижнеозерная	74
<i>Перовъ Савва</i> , урядникъ, Оренбургская	50, 87
<i>Петришевъ Исаакъ</i> , казакъ, Буранная	73
<i>Петровъ Степанъ</i> , урядникъ, Нижнеозерная	136
<i>Пимоновъ Ефимъ</i> , казакъ, Разсыпная	8, 57
<i>Пичушинъ Д. Г.</i> , сотникъ, Усть-Уйская	27, 30, 38, 50, 51, 56, 67, 65, 66, 71, 72, 76, 111, 118, 118, 128, 137, 139, 147, 148
<i>Подкорытовъ С.</i> , приказный, Долгодеревенская	40, 119, 127
<i>Полудневъ</i> , нестр. стар. разр., Богуславская	151
<i>Рахманинъ Матвей</i> , казакъ, Татишевская	144
<i>Рябухинъ Кузьма</i> , казакъ, Разсыпная	69, 84
<i>Стариковъ</i> , ветер. фельдшеръ, Кардаилловская	136
<i>Секретевъ Никифоръ</i> , казакъ, Разсыпная	15, 82, 83, 102
<i>Семенова Прасковья</i> , казачка, Нижнеозерная	108
<i>Смирновъ Степанъ</i> , казакъ, Татишевская	11, 122
<i>Соколовъ Михаилъ</i> , урядникъ, Миасская	27, 30, 38, 51, 66, 71, 81, 116, 118, 137, 147, 148
<i>Соколовъ Ниль</i> , казакъ, Нижнеозерная	26, 51, 61, 121
<i>Сошникова Дарья</i> , казачка, Нижнеозерная	4, 14, 28, 99
<i>Стрижевъ Василій</i> , бомбардиръ, Нижнеозерная	99
<i>Стрижевъ Иванъ</i> , урядникъ, Нижнеозерная	22, 59
<i>Стрижевъ Ниль</i> , казакъ, Нижнеозерная	36, 133, 140
<i>Суровъ А. И.</i> , генераль-майоръ, Оренбургская	9, 25, 54, 130
<i>Сухановъ Илларионъ</i> , казакъ, Разсыпная	17
<i>Сымакинъ Михаилъ</i> , казакъ, Разсыпная	39
<i>Тарасенковъ Романъ</i> , бомбардиръ-лабор., Кардаилловская	66, 81
<i>Тутаевъ Романъ</i> , казакъ, Нижнеувельская	71, 139
<i>Тутаевъ Филиппъ</i> , казакъ, Нижнеувельская	71, 139
<i>Чаусовъ Алексѣй</i> , казакъ, Пречистенская	112
<i>Чауринъ Василій</i> , урядникъ, Нижнеозерная	77, 96, 105
<i>Черновъ Яковъ</i> , казакъ, Татишевская	49
<i>Чернышевскій Д. Г.</i> , подьесаулъ (записываль во 2-мъ отдѣлѣ)	29, 62, 79, 81, 103, 114, 134, 145, 151, 153
<i>Чулаковъ</i> , урядникъ, Нижнеозерная	137
<i>Шаминъ Тимофей</i> , урядникъ, Усть-Уйская	78
<i>Щепачевъ Аванасій</i> , урядникъ, Разсыпная	25
<i>Щепилинъ П. А.</i> , сотникъ	126
<i>Яковлевъ Андрей</i> , урядникъ, Нижнеозерная	131
<i>Федоровъ Григорій</i> , урядникъ, Пречистенская	34, 77, 104
<i>Федоровъ Михаилъ</i> , урядникъ, Новоорская	113

Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ.

1) Кирѣевскій.—Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей російской словесности. 1860—1872 г.

2) Якушинъ.—Сочиненія П. И. Якушкина, изданныя въ 1884 г. Вл. Михневичемъ. С. П. Б.

3) Мякушинъ.—Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсень. Собралъ и издалъ Н. Г. Мякушинъ.

4) 100 пѣсень.—Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсень. Выпускъ первый. 100 пѣсень. Слова собралъ Н. Х. Вессель, съ голоса на ноты положилъ Е. К. Альбрехтъ. С.-Петербургъ. 1875 г.

5) Стариковъ.—Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Составилъ Ф. Стариковъ. Оренбургъ. 1891 г.

6) Уральцы.—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. Сочиненіе И. И. Желѣзнова. С.-Петербургъ. 1888 г.

7) Бигдай.—Пѣсни кубанскихъ казаковъ. Москва. Дозволено печатать въ 1898 г. Собралъ Бигдай.

8) 50 пѣсень русскаго народа.—50 пѣсень русскаго народа для мужского хора. С.-Петербургъ. 1901 г. Изданіе Пѣсенной Комиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

9) Желѣзновы.—Пѣсни уральскихъ казаковъ, собрали Александра и Владиміръ Желѣзновы. С. П. Б. 1899 г.

10) Извѣстія Оренбургскаго отдѣла.—Извѣстія Оренбургскаго отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. г. Оренбургъ.

11) Пушкинъ.—Сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина, полное собраніе въ одномъ томѣ, изданіе А. С. Панафидиной.

12) Часть I.—Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ. I, пѣсни историческія. Собралъ сотникъ А. И. Мякутинъ. Изданіе оренб. казач. войска. Оренбургъ, 1904 г.

*РВ-38271-SB

5-19

СС

В/Т

Stanford University Libraries

3 6105 025 425 708

PG
3235
S7M5
V. 2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

NOV

DEC 01 2003

DEC 07 2003

